

ВЛАСТЕЛИНА
БОГАТОВА

ЭТО (НЕ)
ВАША ДОЧЬ,
господин маг

Властелина Богатова

Это (не) ваша

дочь, господин маг

<https://litres.ru/74213843>

Аннотация

Чтобы не потерять наследство, я обратилась к законникам. Если бы знала, что встречу там ЕГО, придумала бы другой план. Кажется, он меня не узнал, в то время как я помнила его все эти пять лет. Я делаю вид, что вижу его впервые, но он так пристально смотрит на мою дочь, будто о чём-то догадывается.

- главный герой опасный провокатор - героиня почти в безвыходном положении - и маленький бойкий ребёнок, который не даст свою маму в обиду

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	74
Глава 5	104
Глава 6	122
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Глава 1

Адалин Ридвон

— Ты совсем спятила?! Заявляешься к нам посреди белого дня! — злое шипение мачехи заставляет меня прикрыть веки. — Немедленно убирайся из нашего дома и больше не вздумай появляться здесь! — визжит так, что щёки трясутся от ярости.

— Мама, да что ты с ней церемонишься, вытолкни её отсюда, или это сделаю я! — перебивает гнусавый мужской голос.

Позади госпожи Магрит появляется её сын — Раймонд. За пять с половиной лет он не изменился, разве только отпустил волосы, зализанные назад и собранные в жиденький белообрый хвост. Трёхдневная щетина на остром подбородке, местами плешивая не изменилась.

— Отойди, мама, я всё решу, — с пафосной заботой обнимает её за плечи худощавыми пальцами.

Магрит надменно вздёргивает подбородок и с гордостью уступает в дверях место для своего любимого сына.

Я собираю всё своё самообладание, чтобы выдержать колючий взгляд сводного брата, который оценивающе пронизывает меня с головы до ног.

— Чего припёрлась? — скрещивает на шуплой груди жилистые руки. — Сказали тебе, убирайся, — выплёвывает он

с презрением.

Не ожидала, что мне предстоит вступать в соперничество с женщиной. Но ради своей дочери я сделаю всё, даже брошусь в драку и выщиплю эти облезлые волосы, как перья у петуха.

— Я хочу видеть отца, — решительно заявляю. — Я не уйду отсюда, пока не поговорю с ним.

— Не уйдёшь? — фыркает он и делает шаг вперёд, заставляя меня напрячься и отодвинуть дочку за себя. Кери сжимает мою ладонь сильнее — она всё понимает. Я не знала, чего ожидать от этого человека, которого так и не смогла разгадать, живя с ним под одной крышей много лет.

— Ты, серая мышь, блудливая стерва, за кого ты себя выдаёшь? Если сейчас не уйдёшь, я с порога тебя спущу лицом вниз. Бери своё отребье и проваливай.

— Не говори так о моей маме! — вырывается дочка, не успеваю я охнуть, как малышка пинает по колену здорового мужчину.

— Ай! — дёргается Раймонд, а я хватаю ребёнка и прячу за себя.

— Ах ты, мелкая гадина! — грязно вопит сквозь стиснутые зубы подлец и шагает вперёд.

— Только попробуй, — преграждаю путь, вставая в боевую готовность. Ярость раскалённой лавой рвётся наружу. Я сжимаю челюсти, меряя взглядом этого подонка. Не позволю так говорить о Кери! Никому не позволю её обидеть!

— Раймонд! — бросается к сыну Магрит. — Ты как? Больно? Ничего, я вызову лекаря, подадим на них в суд. Она возместит нам сполна. Больно, да? Надо приложить лёд. Аманда! Хотя нет, сначала лекаря.

Раймонд не сводит с меня взгляда, в то время как его верхняя губа приподнимается в зверином оскале, обнажая мелкие зубы.

Секунды идут за секундами. Грудь вздымается распалённым вдохом, кровь толчками бьёт в виски. Я так ничего не добьюсь, даже если заеду по смазливому лицу этому гаду. Сделаю хуже, да и зачем травмировать лишний раз Кери. Она вообще не должна этого слушать. Я так и не нашла, с кем её можно было оставить. В родной провинции у меня не осталось знакомых. Сейчас действительно лучше уйти, всё равно с отцом мне не дадут увидеться. Зря я пришла, надеюсь на благоразумие со стороны мачехи.

— Пойдём, родная, — шепчу дочке, отрывая затуманенный яростью взгляд от победно ухмыляющегося Раймонда.

— Слушай, ты! — задерживает угрожающий окрик Магрит. — Запомни, дрянь, вздумаешь прийти снова или выступишь моего мужа, пожалеешь, что на свет родилась. Я тебя окуну в такое болото, что вовек не отмоешься, раздавлю, как муху. Опозорю весь род, что захочешь своё имя забыть, я тебе создам таких проблем, твоя дочь будет всю жизнь хлебать эту грязь, купаясь в дерьме.

Я резко оборачиваюсь, чтобы ответить, но последующие

слова заставляют застыть на месте.

— Она ведь, — небрежно кивает мачеха на выглядывающую из-за моей юбки Кери, — не от твоего муженька? Известно мне, откуда...

Я резко выдыхаю, качнувшись на вдруг ослабших ногах. Тело прошивает волна болезненного жара, собирающего под сердцем комом. Растерянность и незащищённость охватывают жёсткими путами.

Пока оглушённым звоном гудит воздух, Магрит с превосходством задирает подбородок и едко ухмыляется. Её последние слова звучат, как укусы ядовитой змеи.

Не знаю, каким непомерным усилием заставляю себя двигаться, но я отворачиваюсь и берусь дрожащими пальцами за металлическую ручку двери. Рывком распахиваю её и переступаю порог своего дома.

С лестницы я буквально бегу, не видя перед собой ничего. Кери едва успевает за мной.

Магрит знает?

Что она знает?!

ЧТО?!!

Проклятье!

Мысли горячей пульсацией бьют в затылок. Я даже не сразу чувствую, как мелкий холодный дождь бьёт по лицу, а липкий холод охватывает плечи. Останавливаюсь. Несколько секунд растерянно моргаю, осматривая тяжёлые тучи над головой и пустующий двор, а затем быстро срываю с себя

жакет, укрываю им голову Кери, и мы бежим к воротам.

На дороге, к счастью, стоят свободные повозки, мы садимся в одну из них. Я подсаживаю Кери внутрь и говорю кучеру адрес гостиного двора, — единственного, который знаю. Сажусь в карету.

Кери улыбается, а мне хочется разрыдаться. Во-первых, мы очень устали с дороги на корабле, во-вторых, страшно хотелось есть, а в-третьих, я не увиделась с отцом. Всё это вымотало. Но я никогда не позволяла себе слабости, какими бы трудными ни были времена.

Проглотив тугой ком, я стираю со щеки малышки холодные капли, беру жакет и стряхиваю влагу.

— Надо же, а ведь тёплое весеннее утро не предвещало такого ливня.

Кери смеётся, когда на неё попадают брызги, её смех заставляет забыть о случившейся неприятности, и я смеюсь вместе с ней, прижимая дочку к груди.

Карета трогается с места, и всё, что я успеваю увидеть в запотевшие стёкла, очертания усадьбы Ридвонов в облаке влажного тумана.

Мой смех стихает, а в сердце закрадывается щемящая тоска и радость, что я вернулась. Всё-таки это мой родной дом. И я получу его.

Глажу малышку по спине. Да, мне пришлось уехать. У меня была на то причина.

«— Она ведь не от твоего муженька? Известно мне, от-

куда...»

Зажмуриваюсь, прогоняя из головы злой голос. Это всего лишь её догадки! Никто не знает и никогда не узнает, кто отец Кери.

Целую малышку в макушку светло-медных волос. И я несколько не жалею о том, что случилось. Я уже не та напуганная и растерянная девица, которая покидала родную провинцию. Я увижусь со своим отцом и заберу своё право на усадьбу Ридвон.

— Мы остались без дома? — вдруг спрашивает Кери, выдёргивая меня из мыслей.

— Нет, конечно, нет! — смотрю на неё с удивлением. Почему у неё возникли такие мысли? — Мы будем жить в нашем доме. Просто маме нужно немного подумать, — глажу её по мягким, как лён, волосам, — а пока подкрепимся.

— Ляблочным пудингом?!

— И им тоже.

Настроение заметно улучшилось. Всё ведь не так плохо, правда? Просто пришло время поднимать старые связи, которые имел мой дед, Роу Ридвон, и обратиться к хорошему законнику.

Фозрт Кан

Промозглый серый ливень прорвавшейся плотиной обрушивался на остроконечные крыши столичных ратушей беспрерывно целых два дня. И сейчас противно бьёт в стекло, действуя на нервы.

Откладываю поднятый архив и запрокидываю руки за голову, устало прикрываю веки. Нужен сон и отдых. Я давно об этом не думал, но после недавних событий — он мне необходим.

В дверь раздаётся громкий стук, заставляющий болезненно поморщиться и сесть в прежнее положение.

— Да, — разрешаю войти, разминая затёкшие плечи.

— Господин Кан, простите, — заглядывает Эстос Вирон.

— Чего тебе? — спрашиваю, делая вид, что работаю.

По его растерянному и испуганному лицу я понимаю, зачем он тут.

— Простите, господин, у моей мамы опять приступ, мне очень срочно нужно к ней.

Я выдыхаю, качнув головой, и, опираясь ладонями о стол, медленно поднимаюсь со своего места. Иду к Эстосу. Мужчина пятится, когда я возвышаюсь над ним.

— Сколько ты работаешь здесь, Эст? — спокойно спрашиваю и кладу руку на его плечо.

— Два года, господин Кан, — панически косится на мою ладонь, сжимающую его плечо, в то время как на его лбу проступает пот.

— Два года, — кивнул я, прикусывая губы, смотря на его форму, на которой сверкают отличительные знаки.

— Всего, — добавил он.

— И все два года у твоей мамы приступы едва ли не каждый день? Что за болезнь, которой она болеет? Или ты ме-

ня за идиота держишь?! — на последнем вопросе голос срыывается на рык, а от локтя, заправленного рукавом рубашки, растекается красное пламя, оно бежит по венам к кисти и проступает на кончиках пальцев яркими всполохами.

— Что вы, господин, конечно, нет, — глаза законника в ужасе округляются и бегают, он сильно нервничает, ведь прекрасно знает, что его причина срываться посреди дня с рабочего места у меня уже поперёк горла. — Господин Кан, я понимаю, вы очень устали, вы много работаете, я восхищаюсь вами, господин Кан. Но поверьте мне, если нужно, я принесу лекарскую выписку, если вы мне не верите. Войдите в моё положение, господин Кан, моя мама... она уже в таком возрасте... у меня больше никого нет из семьи, кроме неё, господин Кан, если вы меня убьёте, она останется совсем одна. Пощадите, господин Кан, — голос его дрожит, а на глазах проступает влага, когда я вижу в них отражение своих глаз, которые всё меньше походят на человеческие, когда радужки заливает раскалёнными углями.

Проклятье. Готов был его убить. Просто убить. Я запрокидываю голову и считаю до трёх.

Опускаю взгляд.

— Я хочу, чтобы ты работал. Это всё, что мне нужно от тебя, а ты что делаешь? Бегаешь через каждые полчаса домой? Если ты не вылечишь свою маму, — выкину тебя за порог. Понял? Вылечи уже свою маму, наконец! Разве это трудно?! — ору ему в лицо.

— Да, господин Кан, да, разумеется, не трудно, я понял, я уже купил нужные лекарства, мне пришлось копить два года, но лекарства уже у меня, я всё понял, — испуганно тараторит, сбрасывает мою руку с плеча и выскальзывает за дверь.

— Я уже бегу, — кланяется. — Ах, да, господин Кан, забыл сказать, — опасливо смотрит на всё ещё пульсирующее пламя в моём кулаке и тычет пальцем куда-то в коридор, — в моём кабинете, там, ожидает одна госпожа, её бы нужно принять, я уже всех обошёл, но никто не согласился, кроме вас, её некому принять, господин Кан. Вот, я оставлю это здесь, — кладёт прямо на порог папку справочной.

— Что? А ну стой!

— Вы очень великодушны, господин Кан, я быстро.

Дверь захлопнулась, обрывая мой оклик. Делаю два шага, раскрываю её, чтобы запустить огненный сгусток, но коридор и лестница уже пусты.

— Вот засранец, — цежу сквозь зубы и хлопаю дверью, но что-то мешает закрыть её. Опускаюсь и подбираю оставленную папку, возвращаюсь на место. Бросаю справочную на стол и беру чашку с давно остывшим кофе. Заставляю пламя погаснуть.

— Уволю, как только вернётся, — шиплю сквозь зубы, суживая глаза.

Пока горячий вихрь внутри утихает, я допиваю кофе. Нужно развеяться, и лучший способ — наведаться кое к ко-

му. Беру жакет, висевший на спинке кожаного кресла, но взгляд снова останавливается на папке.

Секунда плохо сдерживаемой ярости...

Проклятье.

Резко хватаю справочную в руки и раскрываю.

Первое что вижу — инициалы.

Адалин Ридвон вис Эртон.

— Хмм, теперь ясно, почему никто не согласился принять её. Уволю всех, — закрываю папку и покидаю свой кабинет.

Минуя лестницу, иду по коридору в кабинет Эстоса. Взгляд сразу выхватывает ребёнка, девочку, лет пяти, сидящую на стуле у входа.

Передёргиваю плечами, хватаюсь за ручку двери, но задерживаюсь, чувствую на себе любопытный взгляд. Поворачиваю голову.

— Что?

— Теперь вы будете защищать мою маму? — девочка улыбается, показывая мне молочные зубы.

— Нет, — отвечаю, заканчивая на этом разговор.

Поворачиваю ручку двери.

— Вы добрый.

Приподнимаю брови и опускаю тяжёлый взгляд на девочку, дав понять всем своим видом, что она ошибается.

— Нет.

Девочка продолжает молча чему-то улыбаться.

Я закатываю глаза и распахиваю дверь. «Эстос, чтоб те-

бя!»

Вхожу в кабинет и тут же морщусь.

Что за вонь у него постоянно в кабинете: это от дешёвого табака и застарелой заварки. Но тут же улавливаю другой запах: тонкий, цветочный, приятный. Я жадно тяну его в себя. Он принадлежит сидящей ко мне спиной на стуле с высокой спинкой женщине.

Точнее, молодой госпоже. Ее светло-ореховые волосы собраны в повседневную причёску, платье простого кроя, но подобранное со вкусом, очерчивает узкие женские плечи и облегает тонкую талию. Хотя миниатюрной её вряд ли назовёшь, а вот высокой — вполне.

Я прошёл к столу. Не смог не отметить размер её груди: немаленькая, полная и высокая. Как я люблю.

Настроение мгновенно поднимается, и куда-то улетучивается гнев. Я бросаю папку на стол и опускаюсь в кресло, раскрываю документацию, приступаю сразу к делу.

— Итак, госпожа Адалин Ридвон, — читаю имя и поднимаю... оценивающий взгляд.

Скольжу им по грудям и выше, пересчитываю каждую пуговицу до самой шеи и линии подбородка; на пухлые розовые губы, ровный, почти кукольный нос и яркие, выразительные, со светло-голубыми радужками и чёрными точками зрачков глаза, остро смотрящие на меня из-под густых ресниц.

Адалин Ридвон

Эстос Вирон, как представился мужчина, пригласил меня в свой кабинет, посадил на стул, и сразу же отлучился.

Я сижу в полном одиночестве, слушаю в тишине, как тикают старые настенные часы. Беспокойство всё больше одолевает меня. Кери сидит в коридоре одна и ждёт меня.

«С ней всё будет хорошо», — пытаюсь себя успокоить. Я не уйду отсюда, пока не добьюсь своего. Ради нашего же с ней блага.

Наконец за моей спиной распахивается дверь. Я мгновенно расправляю плечи и продолжаю сидеть на месте с идеально выпрямленной спиной и чувством полного достоинства, наблюдаю краем глаза, как мимо меня проходит законник. Он обходит стол. Только тут я смело поднимаю взгляд и непроизвольно стискиваю сумочку в своих пальцах на коленях. Оторопь проходит через всё тело.

Это совсем другой мужчина, — не тот, что меня принимал.

Я раскрываю губы, оборачиваюсь на дверь, а незнакомец безо всякого предупреждения и должного приветствия опускается в кресло и, не удостоив меня взглядом, раскрывает папку, которую принёс с собой.

— Итак, госпожа Адалин Ридвон? — читает моё имя, и я вижу, как шевелятся его губы. Сердце замирает. Владонях начинает покалывать. Всё тело покрывается волной жара. Не могу оторвать от них взгляд, никогда не видела таких губ: такой правильной формы, чувственных и красивых, с матовым

блеском. Смотрю на него. Особое внимание обращаю на ровно очерченные гладкие скулы, прямой нос и росчерк тёмных бровей, на которые падает несколько тёмно-медных прядей, закрывая часть гладкого лба. Такая холёная ухоженность в сочетании с роскошной мужественностью создаёт впечатляющий колорит, не оставит равнодушной ни одну женщину с первого взгляда. И я не исключение.

Мужчина поднимает глаза и заинтересованно смотрит на меня.

— Почему вы молчите? Это ваше имя?

Моё имя? О чём он?

— Ясно, — мужчина терпеливо выдыхает и начинает снова говорить, изменяя тембр голоса на более глубокий и вкрадчивый. — Вы проделали большой путь, прежде чем попасть сюда, и наверняка вам не терпится побыстрее решить свои дела. Поэтому попрошу вас собраться и отвечать, когда я задаю вопросы.

— Да, — всё, что я могу выдать из себя. Чувствую полную растерянность. — Но... меня принимал другой ваш законник, я...

— Вы теперь будете задавать глупые вопросы? Вам важно, кто будет вести дело или важно решить свою проблему?

Я сомкнула губы, проглатывая ком.

— Простите, — бормочу под нос.

Мужчина отрывает от меня взгляд и продолжает сосредоточенно листать содержимое папки. Я наблюдаю за ним, за-

таив дыхание, смотрю на его пальцы, на линию бровей и тёмные ресницы, и по телу вновь проходит неконтролируемое волнение. Эти пальцы, этот голос... мне знакомы... Кажется...

Сглатываю. Это он.

Сердце пропускает удар, потом бьётся где-то в горле, бесцельно колотится во всём теле сразу. Воздух начинает поступать с трудом, а перед глазами всё плывёт. Окружение исчезает, оставляя только ЕГО.

Нет. Нет. Нет. Не может этого быть!

Разум отказывается верить, но реальность не исчезает. Он продолжает сидеть на месте и изучать всю мою подноготную.

В животе непроизвольно все сжимается в тугий узел. Воспоминания обрушиваются лавиной, которую только усиливает уже знакомый аромат, исходящий от него. Аромат пепла, смешанный с грозовой свежестью. Неповторимый. Чужой. Мой взгляд перемещается от его рук до губ, шеи в открытом вороте белой рубашки. Это он. ОН! С каждым вдохом мне становится дурно. На лбу и ладонях проступает холодный пот, в то время как по спине растекается жар.

Господин законник снова поднимает глаза. Я совсем утопаю в их чёрной непроглядной глубине.

— Что с вами? — спрашивает. — Вам плохо? — в голосе считывается беспокойство.

Он быстро и грациозно поднимается с кресла, бросив бумаги, подхватывает графин с водой. В следующий раз, когда

я приподнимаю веки, надо мной склоняется этот незнакомец со стаканом воды в руках.

— Пейте.

Он смотрит на меня, а я в этот миг понимаю, что пропадаю. Но следом меня охватывает слепая безрассудная паника.

Я беру стакан, судорожно делаю глоток, отворачивая своё лицо. Прячусь, отодвигаясь на край стула. Подальше от него. Слышу глухое хмыканье мужчины и уверенные шаги. Он возвращается на своё место. Я делаю ещё пару глотков, собираюсь с мыслями, но ничего не получается. Меня продолжает трясти.

«Как же так? Почему?!»

Мысли мечутся, как листва в порыве урагана. Я боюсь даже смотреть в его сторону. Он тоже меня узнал? Боже, пусть бы это было не так!

— Вам уже лучше? Можем продолжить? — интересуется сухо.

Я быстро киваю и снова припадаю к стакану. Незнакомец берёт моё заявление и начинает изучать. Я смыкаю с силой веки, жмурюсь. Боже, какой стыд! Мои щёки наверняка красноречиво горят, а взгляд затравлен. Нужно срочно прийти в чувства. Сделать вид, что я его никогда не видела в своей жизни и моя дочь не от него.

Снова бросаю взгляд, видя, как он хмурится, читая моё прошение. Но, в отличие от меня, он совершенно расслаблен

и одновременно собран. Может, я всё-таки ошибаюсь? Нет, ошибки быть не может. Эти губы и пальцы я запомнила хорошо: пальцы одного-единственного мужчины, что касались меня. Хочу встать и уйти немедленно. Но тогда это точно будет странно. Боже, теперь он знает моё имя! Знает, кто я! Знает моё положение! Ужас охватывает меня с новой силой.

— Значит, вас выставили из дома? — задаёт вопрос и окончательно вводит меня в ступор.

— Почему решили именно сейчас подать прошение? — озвучивает следующий вопрос, а я его не могу понять его. Слышу этот тембр голоса, проникающий под кожу, он красивый, глубокий, пробирающий до мурашек.

— Дело в том, — начинаю я говорить, но язык не слушается, судорожно облизываю ставшими сухие губы, — что меня не было в столице долгое время.

— Подробнее, госпожа. Как долго вы отсутствовали?

Нет, только не это, я не могу признаться, а вдруг он всё поймёт?!

— Да, меня не было в столице около... трёх лет, — вру, но голос совсем не слушается. — Я приехала только вчера, хотела увидеться со своим отцом, но меня...

— Не пустили на порог?

Я киваю, опускаю веки.

Это позор, мой кошмар, встретить его после стольких лет именно здесь и рассказывать о себе такие подробности. Какое унижение! Почему именно сейчас? Выходит, он закон-

ник? Я о нём совсем ничего не знаю.

— Продолжайте, хотя я вас плохо понимаю, у вас что-то с дикцией?

Я раскрываю губы и тут же их смыкаю.

— Это мой дом, я хочу в нём жить, — растерянно смотрю перед собой, не в силах выдержать этот глубокий, смотрящий в самую душу взгляд, который считывает каждую мою эмоцию. — В общем, — я резко поднимаюсь, — дайте моё заявление... а хотя не нужно, оставьте, — прячу дрожащую руку. — Я знала, что это безнадежное дело, мы действительно тратим зря время, извините, господин, всего доброго, — рассеянно тараторю я и разворачиваюсь на каблуках, направляясь к двери, чтобы уйти. Нет, скорее сбежать.

И как можно скорее!

— Стоять! — жесткий приказ заставляет застыть возле двери, когда я уже настигла её.

Приподнимаю плечи и смыкаю веки.

— Вернитесь на своё место, госпожа, я ещё не закончил, — велит он так же жестко.

Я сжимаю веки сильнее, как и свою сумочку, глубоко вдыхаю, разворачиваюсь и иду обратно, смотря вниз, в пол.

Опускаюсь на стул. Слышу, как он продолжает перебирать бумаги, чувствую короткие, но такие жгучие взгляды, каждый из них ощущаю кожей.

— Ваше имя хорошо известно в столице. Вы дочь разорившегося банкира. И пришли, чтобы заявить о своих пра-

вах на наследство, усадьбу Ридвон, верно?

— Да, верно, — подтверждаю торопливо.

— Ваш отец отказался с вами говорить, и вы вступили в диалог со своей мачехой, госпожой Магрит Бартон, так?

— Да.

— Ваше прошение рассмотрели ещё вчера. Вы ведь вчера его писали?

— Да, — напрягаю плечи, совсем перестаю себя чувствовать.

— К сожалению, усадьба Ридвон перешла в руки госпожи Магрит Бартон.

Я вскидываю взгляд. Мужчина, имени которого я так и не узнала, закрывает папку. Отложив её в сторону, кладёт локти на стол, приподнимает широкие сильные плечи, сжимает пальцы в замок.

— Я догадывалась... — мой голос едва различим, эта новость приводит меня в чувства. — Поэтому и хотела поговорить со своим отцом.

— Думаете переубедить его?

— Это дом моего деда, Роу Ридвона! — выдыхаю я, в то время как сердце вновь вздрагивает в груди.

Законник поднимает руку и массирует пальцами лоб.

— И что? Вся документация на Бартон, защищено законом.

Я сделала несколько вдохов.

— Что ж, — отвожу взгляд, проглатываю тугой ком доса-

ды. — Спасибо, что рассмотрели мой вопрос, тогда я пойду,
— поднимаюсь со стула.

— Да сядьте уже наконец!

Я вздрагиваю и возвращаюсь на место. Так тошно мне ещё не было никогда. Господин протягивает руку и берёт чистый лист бумаги, кладёт на стол, пальцами резко пододвигает ко мне, рядом ставит чернильницу.

— Пишите.

— Что писать? — теряюсь я.

— Пишите всё о своём нынешнем положении. Что только что приехали, что без работы, что не имеете средств к существованию; что вы мать-одиночка.

Я смотрю на него ошеломлённым взглядом. Откуда он всё это знает?

«Боже, Адалин, приди в себя, сколько таких, как я, проходит через его кабинет? Ему достаточно одного взгляда, чтобы прочесть меня».

— Но ... зачем вам такие подробности?

— Для своей личной коллекции.

— Что? — обескураженно хлопаю ресницами, чувствую, как печёт щёки.

Мужчина меряет меня пристальным и бесконечно долгим взглядом, а во мне вновь рождаются сомнения, что он всё-таки узнал меня.

— Вы писать будете? Или вам не нужна ваша усадьба?

Всё звучит и обстоит слишком двусмысленно, так что я

теряюсь, стоит ли делать, что он говорит?

Да с чего вдруг я решила, что он запомнил меня?!

Я смотрю на идеально красивое мужественное лицо, сильное безупречное тело и понимаю, что таких, как я, нуждающихся в помощи, наверняка у него бесчисленное количество. И наше первое знакомство тому доказательство.

Больше не думая, беру перо и макаю его в чернила.

Глава 2

Фоэрт Кан

Взял старое заявление и демонстративно начал размахивать им в воздухе.

— С таким постулатом только научную теорию доказывать, — смял в комок и выбросил в урну. — Пишите уже, — поторапливаю удивлённую леди.

Молча кивает и берётся за перо.

Даже не верится, что она едва не грохнулась в обморок в моём присутствии. Настолько впечатлилась мной? Так разволновалась, что дело будет вести другой законник?

Впрочем, я об этом сразу забываю, когда наблюдаю, как длинные изогнутые ресницы опускаются, пряча в туманно-голубых глазах появившуюся растерянность. Непонятное смутное чувство тяжелеет горячим осадком в груди. На миг кажется, что в этой женщине есть что-то неуловимо знакомое. Может, я встречал её когда-то ранее, или нет?

Или да?

Склоняю голову, прищуриваю взгляд, продолжаю разглядывать её более пристально.

С родом Ридвон я если и пересекался, то только на совместных торжествах. Я помню всех в лицо, но они всё реже появлялись на людях из-за банкротства.

«Торжествах...»

Будто откуда-то из глубины раздаётся музыка и...

На губы сама по себе наползает улыбка. Это был маскарад во дворце О-Деверс. Было в тёмном углу, за тяжёлыми балдахинами, под шум празднующих и музыки. Её лицо скрывала чёрная маска из кружева. Были лишь ощущения... чувствовал жаркие нежные губы, гибкие бёдра, обнимал узкую талию, ощущал шёлк волос. Пряный мятный вкус мягких губ и... вожделенную горячую тесноту.

И это она?

Ридвон сосредоточенно пишет новое заявление, но я замечаю, как подрагивают её пальцы под моим пристальным взглядом. Адалин Ридвон... Знатная на тот момент аристократка, которая не смогла противостоять моему напору и сохранить свою невинность?

Ридвон заканчивает и откладывает перо, продолжая упорно избегать моего взгляда. Я беру у неё лист и кладу в папку.

— И что теперь? — спрашивает неожиданно и решительно.

— Где вы сейчас остановились?

Она раздумывает всего лишь секунду.

— На Уил-Вит, — отвечает с сомнением в голосе.

— Прекрасно. Послезавтра я жду вас в это же время у “Синего бархата”.

Едва сдерживаюсь от собственной ухмылки, когда розовые губы леди размыкаются в изумлении, а в глазах взрывается такой каскад смешанных чувств — наблюдать это од-

но удовольствие. Всем известно, что “Синий бархат” — это публичный дом.

— Что? — выдыхает она после долгой паузы. — Я не понимаю, господин.

Кладу локти на стол, смыкаю пальцы в замок поверх папки и убеждённо смотрю ей в глаза.

— А что непонятного, госпожа Ридвон? Неужели рассчитывали получить невозможное так легко? Ваша усадьба уже несколько лет в руках Магрит Ридвон, она супруга вашего отца, и сейчас закон на её стороне. Придётся немного подвигаться, попотеть, чтобы получить желаемое.

Не знаю, какими усилиями ей удаётся сдержать невозмутимый вид. Её смятение выдают лишь подрагивающие крылья носа и расширившиеся от ужаса зрачки.

Моя любимая игра — проверка на испорченность.

Всё-таки иногда неплохо поработать обычным законником — отличный способ расслабиться. Но, конечно, в случае, когда попадают такие, как леди Ридвон. В ней определённо есть что-то притягательное.

— Это всё? — спрашивает, в то время как взгляд становится всё холоднее, почти покрывается льдом, а подбородок твёрдо выдвигается вперёд. Она пытается сохранить чувство достоинства.

— Да. Пока всё.

— Я могу идти?

— Можете.

Она резко поднимается, будто всё это время сидела на раскалённых углях. Мой взгляд непроизвольно оценивает ее формы. То, как её грудь волнующе вздымается, а острые вершинки пленительно проступают сквозь одежду. Ощущаю как твёрдость, стеснённая в штанах, больно упирается в ткань.

Пожалуй, отдых мне действительно нужен, собственная игра оборачивается против меня.

Леди Ридвон резко разворачивается и идёт к выходу, демонстрируя изгиб спины и холмики ниже поясницы. Одобрительно приподнимаю бровь.

Не успевает дойти до порога, как дверь резко распахивается, внутрь влетает взъерошенный охранник.

— Леди, это ваш... — охранник запинается. — Простите господин, — кланяется, увидев за столом меня.

— Что там?

— Там ребёнок!! Девочка вышла на балкон и забралась на парапет!

Ридвон мгновение стоит без движения, видимо, не в состоянии осмыслить услышанное.

«Ребёнок и парапет» — щёлкнули в моей голове слова, как спусковой механизм.

Чёрт! Вскрываю с кресла и быстро шагаю к двери.

— Нет! — бросается Ридвон, опережая меня и отталкивая охранника.

В коридоре уже суматоха. Сбежались все, кто здесь рабо-

тал.

— Двери заперты! Нужно разбить! — выкрикивает кто-то из толпы.

— Стоять, — выхватываю едва уже не летевший в стекло стул из рук одного из законников. Отбрасываю в сторону и хватаю идиота за грудки, — напугаешь её, — толкаю его.

Рассчитывать, что кто-то проявит смекалку, не стоит. Обычный отдел по судебным разбирательствам, разумеется с артефактами, а уж тем более с магией, никто из них не владеет.

— Кери! — кричит Ридвон, бьётся в прочное стекло двустворчатой балконной двери, начинает безуспешно стучать по нему, но девочка не реагирует, продолжая стоять на краю. Одно неосторожное движение и... — Кери, открой, слышишь! Открой немедленно! Кери!!

— Отойдите, — беру её за плечи и отодвигаю в сторону.

— Кери! Там моя дочь! Отпустите! — вырывается.

Закатываю глаза, быстро считаю до трёх.

— Я открою дверь, не мешайте только, — убедительно смотрю в до смерти напуганное лицо. Голубые глаза отражают огненные жерла моих радужек. Кажется, это её ещё больше пугает и Ридвон попусту на время замирает.

Не теряя времени хватаюсь за массивные изогнутые ручки. Знакомый жар растекается по венам быстро и уже вскоре пальцы ощущают мягкость расплавленного металла. Он стёк по двери, оставляя черные полосы. Локтем толкнул двери и

вырвался на балкон.

Порыв холодного от дождя ветра ударил в лицо, растрепал яркие волосы девочки. Она продолжает стоять ко мне спиной не двигаясь. Измеряю расстояние — слишком далеко, чтобы схватить ее. Шагаю бесшумно.

Она в этот миг посмотрела вниз, будто увидела там что-то интересное.

Я почти рядом.

Она наклоняется сильнее и... теряет равновесие.

— Чёрт! — бросаюсь к парашюту и ловлю её на лету. Развернулся вокруг своей оси, возвращаю ребёнка в безопасное место.

Девочка не двигается, смотрит удивлёнными глазами, её лицо слишком бледное, волосы разлохматились из-за ветра.

В груди тяжёлым камнем бьётся сердце. Проклятье! Она и в самом деле могла сорваться.

— Зачем ты сюда забралась? — осторожно спрашиваю.
— Что ты там увидела?

Кери, так называла её Ридвон, вдруг нахмурилась, а потом виновато опустила взгляд и продолжила молчать.

Прекрасно, до этого ты была довольно разговорчивой. Осматриваю её, убеждаюсь, что никаких повреждений на ней нет. Но взгляд цепляется за побрякушку на шее. Небольшой золотой кулон в форме капли поблёскивает в вороте кофточки.

— Красивый медальон, — говорю, отвлекая.

Девочка вскидывает взгляд, испуг улетучивается и вместо него разгорается живой интерес.

— Это мамино.

Приподнимаю бровь. Любопытно.

— Кери! — раздаётся крик сзади.

Ридвон подлетает и почти вырывает свою дочь, которую я всё ещё держу в руках.

— Кери, ты в порядке? — гладит её судорожно по голове, прижимая к груди. — Девочка моя, как же так? Испугалась, родная? Как же так?

Отворачиваюсь и смотрю вниз за парапет. Пятый этаж, довольно высоко. Вспоминаю этот пристальный гипнотический взгляд... Что она там увидела?

Наклоняюсь сильнее. Кроме террасы, деревьев и цветочных клумб не замечаю ничего подозрительного. Отстраняюсь, отряхиваю ладони от влаги.

— Что с ней? Вы показывали её лекарю? — перебиваю непрерывные всхлипы матери.

— Что? — хлопает она ресницами, с которых срываются капельки слёз.

— Почему она залезла сюда?

Бледное лицо Адалин каменеет.

— Это не ваше дело, — жёстко выпаливает, сжимая трясущимися руками девочку так, будто я покушаюсь на их жизни.

— Вы правы, — отвечаю и шагаю в сторону двери, со-

бираюсь вернуться к своим делам, но её слова оставляют какую-то оскомину в скулах.

— Подождите, — задерживает Ридвон.

Я оборачиваюсь.

— Спасибо вам, — хрипло шепчет.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Дольше, чем я могу допустить с другими.

— Мама, плости, я не хотела, — тихо шепчет девочка и гладит по щеке все еще плачущую маму. Ридвон прерывает зрительный контакт и улыбается ребёнку в ответ, но это улыбка кажется вымученной.

Я разворачиваюсь и возвращаюсь в здание.

В кабинет мне, конечно, не дали пройти, волочились за мной по коридору.

— Господин Кан, вы невероятны!

— Господин Кан, как вы это сделали?

— Господин Кан, вы спаситель!

Круто разворачиваюсь.

— Так! — зычно выкрикиваю. — Всем работать!

Кажется это подействовало и пристающие законники отстали, продолжая обсуждать произошедшее между собой.

Я жестом подозвал охранника.

— Да, господин, — кланяется.

— Сделайте дверь. И... позаботьтесь о той леди, проводите её.

— Слушаюсь, господин.

Вернулся в кабинет, где оставил папку с прошением. Вынул салфетки и вытер испачканные пальцы. Жадно втянул в себя цветочный аромат, который ещё оставался здесь. Адалин Ридвон. Адалин...

Когда это было? Около пяти лет назад, уже столько времени прошло, а я помню все детали, как будто это было вчера.

На тот момент ходили слухи, что она была помолвлена, в то время как её отец взял в жёны Бартон, чтобы хоть как-то держаться на плаву.

Нет, она совсем не похожа на ту страстную незнакомку.

Взяв папку, отправился в свой кабинет, поднимаясь в другое крыло. Бросил папку на стол и сел в кресло, намереваясь изучить дело подробно.

— Будто у меня других дел нет, — хмыкнул.

Поднял глаза, когда в кабинете стало немного темнее. Отложил бумаги и потянулся, заведя руки за голову, сцепив пальцы в замок, начал раскачиваться в кресле. Все документы Бартон в порядке, комар носа не подточит. Только непонятно одно: почему господин Хастор Ридвон лишил дочь наследства, даже её малую толику? Конечно сложившаяся вокруг него репутация желает оставлять лучшего, но Адалин — его единственная дочь.

Я замер. В голову пришла хорошая мысль. Нужно поговорить об этом семействе с отцом.

— Да, так и сделаю, — поднимаюсь и мрачно смотрю в окно, за которым непроглядная стена ливня.

Ненавижу дождь. Выходить на улицу мне не хочется. Разворачиваюсь и движением руки призываю тьму, которая раскрывает передо мной ход. Ступаю в него. Лёгкая вибрация и давление приносит дискомфорт, но зато я вышел сразу в холл своего дома, и не одна капля не попала на мои волосы.

Зажигаю свет, скидываю верхнюю одежду, и иду на кухню. Я не держал у себя домработницу и уж тем более не доверял никому приготовление пищи. На готовку ушло около часа. Насытившись, поднялся в ванную комнату. И только после душа отправился в свою комнату, бросив полотенце на кровать, подошёл к тайнику, заученным движением открыл его и достал нужную коробку, вытряхнул на стол всё содержимое. Нашёл нужное, взял в руки.

Золотая серьга в форме капли. Точно такая же, как на шеи Кери в виде подвески.

И снова эта музыка, дикие страстные поцелуи в темноте, гибкое тело в моих руках, я скольжу по её шее губами, тонкие пальцы впиваются в мои плечи, а я чувствую боль от настоящего, как шторм, желания. Дикого, необузданного. Глухие стоны и оглушающий взрыв удовольствия, который на время забирает у меня все силы, даёт возможность ускользнуть *ей*. Я приходил в себя, оставшись стоять, опираясь рукой о стену. Сбивчиво дыша, слышал, как сердце колотится во всём теле. Смотрю перед собой. И вижу на полу у стены блеск — серьга, которую она потеряла...

Возвращаюсь мыслями в комнату.

Серьга таинственно поблескивает в полумраке.

Сжимаю её в кулаке.

Или это не её?

Нет, ерунда какая-то, таких украшений полно, если это, конечно, не реликвия, которую можно проверить у ювелира.

На миг застопорился на этой мысли и медленно поднял взгляд, сталкиваясь со своим отражением в окне. Мокрые волосы скрывают в черноте глаз пляшущих бесов.

— Почему я раньше не догадался?

Спал я отвратительно. Проснувшись, не мог сразу подняться, давящая тяжесть в теле приковывала к постели. Сделав над собой усилие заставил себя встать. Сел в кровати.

— Чёрт, — сомкнул с силой веки, почувствовал, как закружилась голова. — Что за...

Откинул одеяло и спустил ноги, свесил голову. Широко зевнув, встал и побрёл в ванную комнату. Но даже холодный душ не помог взбодриться, голова разболелась ещё больше. Такой упадок сил мог быть только при контакте с тьмой.

Всё-таки не нужно было её вчера использовать, а выйти под ливень. Облачившись в костюм, поправил галстук, убедился, что выгляжу безупречно.

Не считая, конечно, головной боли и ноющего плеча, старая рана всегда давала о себе знать, когда соприкасался с тьмой, будь она неладна. Помассировав плечо, взял приготовленный футляр с серьгой и покинул замок.

До родительской усадьбы Толфурд ехать не далеко и всё

же ненавижу поездки в машине или повозках — это так долго, утомительно и всегда навевает сон. По дороге заехал к знакомому известному, во всей столице, ювелиру.

— Добрый день господин Кан! Какая честь что пожаловали ко мне, — поклонился мужчина за пятьдесят в коричневом костюме в клеточку.

— Взгляни на это, — достаю футляр.

Ювелир заинтересованно открывает его и извлекает украшение.

— Сколько хотите за неё?

— С дуба рухнул. У меня достаточно денег чтобы сдавать золото. Проверь, может ли это изделие принадлежать к какой-нибудь коллекции.

Кьерс понимающе кивнул и, взяв окуляр, прошёл к столу, подставляя серьгу под свет лампы. Он долго её рассматривал. Я терпеливо выдохнул и скучающе начал осматривать застеклённые стеллажи, со сверкающими драгоценными камнями.

— Господин, украшение имеет характерную выточку из чистого розового золота.

Я насторожился.

— Можешь узнать кто делал это изделие и для кого?

Ювелир почесал низкий лоб с глубокими залысинами.

— Это будет трудно.

Положил на стол пачку денег.

— Этого достаточно?

Ювелир быстро закивал, будто я могу передумать. Потянулся, чтобы взять плату, я перехватил его руку.

— Когда мне прийти?

— Я постараюсь выяснить как можно быстрее, господин Кан, в ближайшие дни.

Я выпустил руку.

— Рад вашему визиту, господин Кан, — пролебезил Кьерс.

Звон колокольчика оповестил, что в ювелирную вошли две женщины. Они перестали разговаривать, когда заметили меня. Я, бросив взгляд на Кьерса, дал ему понять, что скоро вернусь.

Разворачиваюсь и направляюсь к двери, приветствуя дам почтительным кивком, не задерживаясь иду к двери, слышу хихиканье и обрывки слов.

— Какой мужчина?!

— Настоящий красавчик!

— Господин Кан не женат...

— Такого господина не так просто покорить...

Закатываю глаза. Слышу каждый раз одно и то же, с некоторого времени стали страшно злить подобные разговоры обо мне. Берусь за ручку и открываю дверь. Выхожу.

— Чёрт, — чертыхаюсь, когда наступаю в лужу, обрызгивая обувь.

Сажусь в машину.

— Вперёд, — команду водителю.

К счастью, я застал дома отца.

— Фоэрт, не ожидал тебя сегодня в гости, — отец приблизился, я протянул руку для пожатия и застыл, когда пальтерня отца разлохматила мне волосы. — Рад тебя видеть.

— Да, и я рад, — убираю с глаз растрёпанные пряди. Похоже эту его привычку не искоренить.

— Проходи.

Мой отец, Хорбен Кан, глава судебного ордена Эферфолда. Правда сейчас он в отпуске. Проводил время дома, отменил все поездки на острова, куда так любила ездить мама. Неделью назад у неё прихватило сердце, и он вынужден был остаться с ней.

— Как мама? — спрашиваю, когда мы рассаживаемся по креслам.

— Уже лучше, лекари советовали ей больше покоя и отдыха. Сейчас она прилегла.

— Тогда не говори ей, что я приезжал, она расстроится.

— Разумеется.

Слуга принёс горячего чая, поклонившись, сразу удалился.

— Как тебе на новом месте, — поинтересовался отец, делая глоток. — Если нужна моя помощь — только скажи.

Я стиснул зубы и задумался, что ответить. Моё повышение, разумеется, принесло мне много преимуществ. Но то, с чем я сейчас работаю, вымотало меня до истощения. Отцу, конечно, сказать я этого не мог. Я и так много обязан ему,

хоть и всегда старался обходиться без его помощи.

— Всё нормально, я справляюсь, — заверил твёрдо.

— Хорошо.

— Отец, ты знал Гастора Ридвон?

Хорбен отставил чашку и сцепил пальцы в замок, он всегда так делал, когда собирался рассказывать долгую историю.

— Подробно не могу тебе о нём рассказать, Гастор всегда был не слишком открытым и публичной фигурой. А теперь он разорившийся банкир. Ридвон быстро рос во время руководства его отца Роу Ридвона и занял вершину. Но когда его сын взял в свои руки состояние, вскоре банк быстро рухнул. И вместо того, чтобы залечь на дно, Гастор пошёл не тем путём — погряз в долгах. Я слышал, что, если бы не наследство его дочери, которое оставил ей её дед, Роу Ридвон, они бы совсем разорились.

— А что ты знаешь о Роу?

— О, это был выдающийся человек, лидер и дипломат, основавший целую структуру в банковской сфере. За ним тянулись многие. Жаль, что Гастор не потянул и разрушил всё..., — задумчиво произнес отец. — Их золотое время прошло.

— Ты был с ним лично знаком? — возвращаюсь к разговору.

— Разумеется, я вёл его документацию. Помимо лидерских качеств, он закоренелый семьянин. Правда его личная

жизнь почему-то не складывалась, он часто ссорился с сыном, а вот свою внучку безумно любил. Всегда о ней говорил. Кажется, её звали..., — отец нахмурил брови, сделав попытку вспомнить ее имя.

— Адалин.

— Верно, Адалин. Так и есть. Постой, а ты знаком с ней? Я смотрю на отца и откидываюсь на спинку кресла.

— Да так... слышан..., — отвечаю уклончиво.

— Давно о ней ничего не слышно. Бедняжка, ей многое пришлось пережить, она была вынуждена уехать после скандала с семейством Вилсонов, но во всём виноват Гастор. Если был бы жив её дед, подобрал бы для неё лучшего в мужья. Гастор, к сожалению, дал согласие на брак с Таронсом Вилсоном, повесой и гулякой.

Я ловлю себя на том, что слушаю с пристальным вниманием, сжимая ручку чашки в пальцах до белых костяшек.

— Хорошо, что их свадьба сорвалась, — завершает рассказ отец и рассеивает сомнения. — И у неё не было выбора, Таронсон не против отказа от Ридвонов, сделал всё, чтобы очернить репутацию девушки.

Всё верно. Нигде в документах не упоминалось что она была замужем. Но, если свадьбы не было, как же её дочь, ведь по времени всё сходилось?

— А почему ты о них заговорил? — выдёргивает меня из мыслей отец.

— А... на работе законники подняли дело о Гасторсе Ри-

двоне и мне стало интересно. Я ведь тоже помнил всю эту историю с банкротством именитой семьи, — непринуждённо отпиваю крепкий чай.

Мы помолчали. Я помассировал переносицу, морщась от всё больше разболевшейся головы, совсем не подозревая, что отец за мной наблюдает.

— Фоэрт, ты опять?

Я поднимаю голову и удивлённо приподнимаю брови, делая вид что ничего не понимаю.

— Что? Ты о чём?

Он поднял свою чашку.

— Ясно же о чём. Ты её использовал, тьму?

Прикрываю веки, понимая, что скрывать бессмысленно.

— Ты же прекрасно знаешь, что она на тебя влияет пагубно. Фоэрт, ты взрослый мужчина, хватит уже вести себя, как ребенок, — тон отца с каждым словом становится всё резче, заставляя меня морщиться еще больше и тереть пальцами раковину уха.

— Ладно-ладно, давай не будем, обещаю это было в последний раз, просто вчера был такой ливень и...

— Ты меня с ума сведёшь, нельзя быть таким легкомысленным. Она не игрушка.

Опустил взгляд, ещё долго слушал нотацию Хорбена Кана. Вот, блин.

Толфурд я покинул только через час, спешил домой. Отец так прочистил голову, что удивительным образом боль уле-

тучилась, но вместо неё накатила усталость. Всё, о чём я мечтал, это продолжить вечер лёжа на кровати, только я не предположил, что дома меня ждёт очередной сюрприз.

На крыльце меня ожидали три женщины.

Нехорошее предчувствие поднялось из глубины. Впрочем, оно тревожило ещё утром. Под стеной вновь зарядившего дождя я не выпускал из-под взгляда женскую фигуру в синем дорожном костюме с пышной юбкой. Ее чёрные волосы были собраны в причёску под модную в этом сезоне шляпку. Леди Паулина Лансет. Моя кузина.

Сомкнул губы, выдыхая через нос. Что за день сегодня? Лучше бы задержался у отца. Тогда столкновения не произошло бы. Подождав ещё, я открыл дверь и вышел, раскрыв зонт, поднялся по лестнице.

— Я думала, что не дожусь вас, господин Кан, — улыбнулась Паулина, протягивая руку в чёрной кружевной перчатке.

Я посмотрел на лужи, бурлящие пузырями, и сжал тонкую руку в своей, чуть пожал. Служанка, та, что самая старшая, цепко впилась в меня взглядом, раздув ноздри, увидев в этом приветствии наверняка небрежность. Отчасти это было так, не буду пытаться это скрыть, зная, что из-под её взгляда не ускользнёт ни один мой жест.

— Не слишком подходящая погода для прогулок, леди Лансет, — выпустил кисть Паулины и шагнул под козырёк, складывая зонт.

С недавних пор Паулина всё время появляется в поле моего зрения. Поначалу считал это случайностью, но потом понял, что это не так. В семье Лансетов случайностей не бывает: только расчёт, выверенный план и жажда лучшего. В общем-то неплохие качества для ведущего знатного рода, если бы не одно маленькое «но»: не слишком хотелось, чтобы напротив моей фамилии встала очередная галочка, даже, если госпожа имеет красивую мордашку и безупречное изящное тело. Хотя нет, один изъян всё же имелся — слишком маленькая ростом — не в моем вкусе.

— Но вы же не оставите леди под дождём, не напоив чашкой горячего чая?

— Господин Рональд Лансет не против вашего визита? — интересуюсь.

Паулина засмеялась.

— Мой отец спокоен на этот счёт, но не слишком льстите себе, господин Кан, думая, что я намеренно решила посетить вас лично. У нас действительно беда: наша машина сломалась и требует ремонта. Так получилось, что ближайшее место, где бы мы могли остановиться, — Вигфор, ваш замок.

Я смотрю в сторону внутреннего двора, — туда, где припаркована машина и возвращаю взгляд на леди, открываю дверь, пропуская женскую делегацию внутрь замка.

— Я вызову вам новую машину, — кладу зонт на полку и скидываю верхнюю одежду, в то время как Паулина уже прошла в холл.

— Вы очень любезны, господин Кан, мне действительно неудобно вас стеснять, — карие глаза откровенно насмешливо сверкают. Паулина отрывает от меня магнетический взгляд и бесцельно осматривает холл. Скрытый флирт выдают её изящные движения, интонацию в голосе, — он считается моей чувствительной, с особенными импульсами, кожей. Её служанки ничего не подозревают: они не сводят с меня надзирательного взгляда, хотя стоит перевести внимание на объект провокации. Но, конечно, они уверены, что Паулина, разумеется, скромная порядочная леди.

Смеюсь над своими мыслями.

— Как вы обходитесь до сих пор без прислуги?

— Очень просто. Дома я бываю мало.

— И всё-таки? — задаёт вопрос и поворачивается к служанке, отдаёт приказ, — Молли, пойдёшь заварить чай, если вы не против, господин Кан.

— Не против, — улыбаюсь, ожидая то, как легко Паулина сейчас раздаст прислугам обязанности, чтобы остаться наедине со мной. Я знал каждый её последующий шаг, напоминая себе о том, что молодая леди любит интрижки.

— Ох, я совсем забыла! — всполошилась она, всплеснув руками, — забыла забрать из машины свой ридикюль. Кларис, будь добра, принеси мне его, — слёзно попросила старшую служанку.

Через минуту мы остались в холле одни.

— Вы сказали, что вызовите новую машину — напомина-

ет.

— Телефон в кабинете, — говорю, понимая на что она намекает.

— У вас в доме слишком мрачно и страшно оставаться одной. Позвольте пойти с вами.

Я смотрю на неё, догадываясь о ее намерениях.

— Думаю, вам лучше подождать здесь.

В глазах девушки мелькнуло разочарование.

— Тогда не оставляйте меня одну, давайте дождёмся Кларис.

— Хорошо, — я разворачиваюсь и сажусь в кресло.

Удивление девушки сменилось на кривую усмешку. Она разместилась на диване.

— Мне известно, что вы сейчас занимаетесь громким делом. Вы в почёте и высоко преуспели.

— Не знал, что ходят такие слухи?

— А разве это не так?

— Со стороны виднее.

— Но что скажите о своей личной жизни, мой дорогой кузен? — вливается пронзительным взглядом.

— Моя личная жизнь — это моё личное дело.

Я отвернулся, смотря на темноту за окном, мечтая раскинуться на постели, прикрыть веки и наслаждаться тишиной.

— Не зная вас я посчитала бы ваш ответ грубым.

— С чего вы решили, что знаете меня? Мы с вами почти не общались, — напоминаю ей.

Паулина моргнула и тяжело вдохнула.

— Увы, вы правы, поэтому не буду скрывать, что хочу пообщаться с вами поближе. Узнать вас. Вы так таинственны, и я порой не могу справиться со своим любопытством.

Я вернул на неё взгляд, сфокусировался. Паулина смело смотрела мне в глаза, ничем не прикрывая своё намерение и откровенность. Только что-то было не так во всём этом... Я почувствовал, как по телу будто ползёт чёрная гадюка, которая оплетает моё тело холодом скверным чувством.

Я отталкиваюсь от спинки кресла и кладу локти на колени, сцепляю пальцы в замок.

— И что вы хотите узнать обо мне? — задаю встречный вопрос.

— Что ж, не буду ходить вокруг и около. Вы мне нравитесь, господин Кан.

Я молча продолжаю смотреть на неё, в то время как все мышцы напрягаются.

— Что? — приподнимаю бровь.

Лансет не продолжила, не получив ответа, хмыкнула. Эта леди, избалованная, наглая девка, не знает, что такое смущение.

Не выдерживает моего напора и отводит взгляд.

— Кстати, как ваша мама, госпожа Кан? Я слышала ей нездоровится, у неё проблемы с сердцем. Нужно бы навестить свою тётю, обязательно это сделаю.

Я сам не понял, как сжал подлокотники, что смог их вы-

рвать. Дряная девчонка, о чём она вообще говорит?!

— Но не переживайте, я ни в коем случае не буду её волновать ненужными разговорами.

Изумлённо ухмыляюсь. Неужели, вздумала, меня этим шантажировать? Даже в голове не укладывается. Как посмела?

Моё лицо меняется и становится каменным. Одновременно заставляю себя расслабиться, наклоняюсь вперёд, прошивая Лансет острым взглядом. Замедляюсь, видя, как дрожит вена на её шее. Не зря она волнуется. Задушу собственными руками, если посмеет...

— Ты не с того начала, моя кузина, — говорю вкрадчиво каждое слово.

Она задирает подбородок, смотрит слишком смело, чтобы выйти отсюда невредимой. На что рассчитывает?

— Вы о чём, Фоэрт? Не думайте обо мне дурно, мои намерения самые благочестивые.

Хочу залезть в её мысли и сжечь их. Я ощущаю, как жар оплетает мою шею и грудь огненными кольцами, стягивает и становится трудно дышать.

Она что-то знает. Эта мелкая дрянь что-то вынюхала.

— Я рассказала вам в своих чувствах, теперь буду ждать ответных чувств от вас, господин Кан. Это всё, что я хотела сказать, — её губы расплзаются в той самой ядовитой улыбкой, которая отравляет кровь.

Я сжал руки в кулаки, борясь с желанием не стиснуть

пальцы вокруг её шеи, и вытрясти всё из неё.

Сзади слышались шаги.

— Молли, как ты долго! — надула губы Лансет, в то время как я продолжал прожигать эту ведьму взглядом.

Служанка поставила поднос и тут же отошла, косясь в мою сторону.

— Составьте мне компанию, мой дорогой кузен. Такой момент редкий, я даже рада, что машина сломалась рядом с вашим замком. Вы совсем не появляетесь в нашем доме. А мне и моему отцу хотелось бы почаще видеть вас.

Лансет взяла чашу и, просверливая меня взглядом, отпила из нее.

Я резко поднялся.

— Вы куда? — вскинула взгляд.

— Вызвать машину, — процедил и направился в кабинет.

В голове билось штормом только одно. Откуда ей, чёрт возьми, это известно? Известно то, о чём бы я хотел забыть навсегда. Врывать, уничтожить и сжечь из своей памяти.

Захлопнув дверь, прошёл к письменному столу. Жуткие тени поползли по стенам, когда комнату озарил огонь, растекающийся по моим ладоням, трепыхаясь языками пламени на кончиках пальцев. Я взял трубку телефона и сжал так сильно, что она хрустнула.

Перед глазами возникло самодовольное лицо Лансет. Я прищурил взгляд, смотрел перед собой и видел только её. Она не могла об этом узнать — это невозможно. Из груди

поднимался шквал ярости. Впервые она была неконтролируемой.

Глава 3

Адалин Ридвон

Весь день я провела с дочуркой. Не спускала с неё глаз. От одной мысли, что она могла сорваться с балкона, меня охватывал ледяной ужас. Но Кери вела себя обычно, будто ничего и не было. Мои осторожные попытки выяснить у неё почему она заперлась и забралась на парапет увенчались неудачей. Она ничего не помнила. Помнила только то, что ждала меня в коридоре, а потом оказалась в руках у того господина, о котором позже не умолкала.

Несомненно, он спал спас мою дочь, но как же я хотела, чтобы это был кто-то другой. Так или иначе я благодарна ему.

Вечером, когда мы легли спать, я не смыкала глаз, тревожно наблюдала за сном дочери, и думала.

Это снова повторяется с Кери. Год назад с ней произошла подобная ситуация, когда она вышла на мост и встала на край, едва не упав в ледяную воду.

«— *Что с ней? Вы показывали её лекарю?*» — прозвучал настойчиво этот голос.

Я встряхнула головой, возвращаясь к мысли о Кери.

Здесь нужен не просто лекарь, а опытный целитель. Но показать её целителю не было ни средств, ни связей.

Я погладила ее нежную щёчку.

Если бы был жив мой дедушка, единственный человек которому я могла открыться и довериться, но его давно нет.

— Как же тебя не хватает, дедушка, — беззвучно прошептала.

Слёзы сами собой выступили на глазах.

Нет, я не должна себя жалеть. Я справлюсь, мы справимся, притягиваю дочурку к себе ближе. Но перед глазами я видела его взгляд, наполненный тлеющим пеплом. Он маг... это осознание отдалось тревожной волной в теле. А ведь стило догадаться сразу, его внешность была необычной. Он отличался от Тара, отличался ото всех мужчин.

...С самого утра я была сама не своя: всё валилось из рук, мысли путались. Кери понимала, что меня беспокоило и была крайне молчаливой. Моя малышка, как же я ей горжусь.

Причину своей тревоги я осознала чуть позже, когда мы вышли из дома. Сегодня назначена встреча с господином законником который предельно ясно дал понять, какую плату хочет за свои услуги. Впрочем, это вполне характерно для него. Меня волновало то, что это выводит меня из равновесия. Неправильно, что я так сильно волнуюсь, я должна думать о другом: о том, как получить своё наследство назад, а не вспоминать каждый раз позавчерашнюю встречу.

Из-за моей нерасторопности мы опаздывали. Позавтракав, буквально выбежали на дорогу бегом, успев занять последний экипаж, стоявший возле гостиного дома. Я договорилась с леди Эдисон (когда-то она была моей няней) оста-

вить Кери на некоторое время с ней.

— Не волнуйтесь, госпожа Ридвон, мы отлично проведём время, — улыбнулась пышнотелая Габора Эдисон. — Правда, детка? Какая прекрасная у вас дочь, госпожа Ридвон.

— Благодарю, Габора.

Я присела перед Кери.

— Мама, не переживай за меня, я обещаю, что буду сидеть смирно, — заговорчески произнесла, это вызвало у меня горькую, полную тревоги, улыбку.

Кери понимает, что происходило с ней, и о чём я боялась говорить вслух.

— Конечно родная, обещаю вернуться как можно быстрее, — поцеловала её в ладонь, погладила по тугим медно-золотистым косичкам, посмотрела в большие глазки, маленький аккуратный носик и губки. Она мой глоток воздуха. Моя девочка. Как же я люблю её.

Я поднимаюсь и прощаюсь ненадолго с леди Эдисон, иду к экипажу, ныряю в салон. Кучер стегает лошадь. Мы трогаемся с места.

Нельзя позволять себе слабинку: нужно поскорее всё решить и заняться моей малышкой. Накопить деньги и найти лучшего мага в Эферфолде. Первое, что нужно — это найти работу. Конечно, живя за границей у маминой родственницы, я не сидела без дела, как только Кери исполнилось три года, вышла на работу. У меня безупречная характеристика компаньонки. Конечно мне удалось накопить хорошую сум-

му, но часть я потратила на переезд, а теперь, оставшись без крыши, вынуждена снимать комнату. Как долго это продлится — не ясно.

Покачиваясь и слушая цокот копыт, я выглядываю в окно экипажа, смотрю на людную улицу. Сегодня довольно солнечно после дождливой недели. Но внутренняя тревога не даёт насладиться погодой.

Откидываюсь на спинку сиденья, начинаю прокручивать в голове всё то, что собираюсь сделать. Ночью я чётко решила, что откажусь от его услуг. Пусть к делу вернётся этот Эстос Вирон!

Это будет самым верным решением.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь себя приободрить, смотрю перед собой.

— Та-а-рсон, — томный стон имени моего будущего мужа заставляет меня задрожать.

— Тарсон, поклянись, что ты останешься со мной, и порвёшь с этой дурочкой, как только придёт время, — звучит капризно женский голос, который срывается на громкие стоны, заставляет окаменеть перед приоткрытой дверью туалетной комнаты.

— Ты ещё сомневаешься, котёнок, — пыхтит хриплый голос Тарсона Вилсона, моего жениха, — мы же всё обсудили, как только я получу свою часть, а это возможно только если узаконить этот брак с Ридвон, я выкину её за порог и вернусь к тебе. Нужно дождаться, как только мне перейдёт всё

по закону, я сразу подам на развод. Нам нужно потерпеть, котёнок, и не упустить этот куш, — звук влажных поцелуев оглушает. — Поняла, котёнок? Ты прелесть...

— Да, да-а-а-а, — доносится ответный женский полустон, от которого холодеют руки.

Слышится тихий смешок и снова стоны, на этот раз мужские.

— Я получу всё её наследство и подарю тебе, моя драгоценная, моя королева, — рвано произносит Таронс.

От этой фразы мне становится тошно.

Не могу больше слушать этот ужас, не могу! Злость и ярости охватывают меня и вытесняют разум. Сжимаю ручку дрожащими пальцами и распахиваю дверь.

Они даже не потрудились разъединиться.

Я криво усмехаюсь, чувствуя, как внутри всё сокрушается от ярости и отчаяния. Знакомая на вид девица нехотя отстраняется от мужчины, продолжая пялиться на меня. Тарсон смотрит в глаза и его желваки дёргаются.

— Ничего у тебя не выйдет, — произношу не своим голосом, пронизываю его ненавидящим взглядом.

Тарсон ещё несколько секунд осмысливает мои слова, потом, отталкивая подстилку, бросается ко мне, но чертыхается и торопливо застёгивает ремень.

Я разворачиваюсь и иду к лестнице.

— Стой! — ревёт в след, но я не сбавляю шага.

Там, внизу, звучит громкая музыка, полный зал гостей,

доносится смех, голоса, леди и господа празднуют и веселятся.

Тарсон настигает меня у арочной двери, ведущей в зал, хватая за шею и жёстко дёргает. От неожиданности я охаю, теряю равновесие, но он не даёт мне упасть, хватая за плечи и встряхивает с такой силой, что моя голова откидывается, локоны, выбившиеся из причёски, падают на лицо.

— Забудь, что слышала, — рычит яростно мне в лицо.

— Пусти меня! Мерзавец! — тошнота накатывает и душит, я задыхаюсь и изо всех сил, которые только остались, пытаюсь вырваться. — Слушай ты, нищенка, ничего у тебя не выйдет, кому ты нужна, своему папаше? Он банкрот, за даром тебя почти отдаёт, радоваться должна, что нужна кому-то, — он хрипло смеётся. — Смирись и будь послушнее. Иначе, — он вонзает пальцы мне в плечо железной хваткой. — Иначе твоя жизнь будет невыносимой. Поверь, это я тебе устрою, когда окажешься со мной в одной постели.

Причинённая его хваткой боль пронизывает плечи, я собираюсь с силами и вырываюсь, толкая его от себя.

— Подонок! — ударяю его сильно по лицу.

Тарсон ошеломлённо смотрит на меня, я подхватываю юбки и разворачиваюсь.

Бегу с лестницы, едва различая перед собой дорогу. В голове шумит. Рука болит, а тело пронизывает ледяная дрожь. Проталкиваюсь через толпу.

Кто-то пытается задержать меня, увлечь в танец, но я

яростно вырываюсь. Сердце бьется в груди, в глазах — тёмные круги. Омерзение застревает в горле комом. Хочется лишь одного: покинуть маскарад и уехать как можно дальше от этого позора. Я пробираюсь к выходу, меня бросает то в жар, то в холод. Я чувствую растерянность и унижение. Что на меня все смотрят с презрением, тычут в меня пальцами и смеются.

— Осторожней, леди, — голос мужчины врывается в сознание волнующей вибрацией, и проносится сквозь всё тело. Не успев, опомнится, чувствую тяжесть от его ладони на спине, его жар, даже сквозь ткань платья.

Поднимаю взгляд, туман рассеивается, но я вижу лишь подбородок мужчины, его губы и блеск тёмных гипнотических глаз в прорезях золотой маски. Золото мерцает и в его чуть медных прядях волос.

Растерянно хлопаю ресницами.

— Простите..., — пытаюсь обойти, но, оступаясь, неловко падаю прямо в сильные руки незнакомца.

Секунду не могу пошевелиться. Мне ведь нужно идти, да? Но почему не могу сделать и шага? Сжимаю веки, ожидая, что мужчина сам оттолкнёт и обзовет меня неуклюжей дурочкой. Дурочкой, как назвал бы меня мой будущий муж. Задыхаюсь от боли, разочарования и накатывающих чувств, которые душат до слёз. Но вместо этого руки мужчины начинают скользить по моей спине. Замираю, не понимаю, что происходит. Я слишком растеряна, чтобы понимать, но его

прикосновения не пугают и не вызывают отвращения, напротив, я чувствую заботу, когда его ладони ложатся на мои лопатки и чуть сжимаю их, — волна какого-то странного жара проходит через всё тело, собираясь в животе приятной тяжестью.

— Вам плохо? — с беспокойством склоняется к моему уху незнакомец, дыша горячим воздухом на кожу шеи, которая мгновенно покрывается мурашками.

Он протягивает мне бокал.

— Пейте.

Я смотрю на бокал и подчиняюсь: его голос будто зачаровал, такой глубокий проникновенный и в то же время мягкий, как бархат. Я беру бокал и делаю глоток. Пряный коктейль согревает горло и опускается в желудок, а по моим венам разносится лёгкое онемение, кружится голова.

Что я делаю? Я же хотела уйти, но я тут же забываю об этом, когда мужские пальцы бережно берут мой подбородок. Поднимаю взгляд и замираю, когда мужчина склоняется настолько близко, что я тону в непроглядной темноте его карих глаз, чувствую его дыхание на своих губах. Проходит секунда и его губы расплываются в трогательной улыбке. Она такая же пленительная, как и голос, гипнотизирующая, как взгляд, а потом — я не ожидала — он накрывает мои губы легким поцелуем, кажется будто спрашивающим, но в следующий миг требовательным, страстным, властным, заставляющим забыть об окружении. Я бесстыдно отвечаю, подда-

юсь, роняю бокал на ковёр, вкушаю терпкость игристого напитка.

Сама не понимаю, как мы оказались в полумраке за портьерами, который отделял нас от людного, полного громкими оглушающими звуками, зала.

Я оказываюсь беззащитно прижата к стене. Не позволяя мне вдохнуть, он сжимается в мои губы жадно, ненасытно, собирает подол платья, рывком подхватывает меня под бёдра. Оказывается, между моих ног. Все плывёт перед глазами. Я лишь чувствую его безжалостные твёрдые губы везде: на шее, плечах, груди. Жаркие пальцы беспощадно сжимают бёдра, причиняя боль, но эта боль сладкая и дурманит меня ещё сильнее, заставляя терять голову, чувствовать поднимающееся волнительное предвкушение.

Он на миг прерывается. Я ощущаю холодный воздух и пустоту, а ещё жгучий взгляд на себе, заставляющий моё сердце биться чаще. Сама тянусь к нему, чтобы продолжить это неведомое мне безумие, но он опережает, толкает к стене, нависает, прижимается своим горячим сильным телом ко мне, во рту мгновенно сохнет, ощущению его силы мощи и притягательности невозможно сопротивляться, — им можно только восхищаться.

Его жёсткие и одновременно мучительно сладкие ласки срывают все мои барьеры один за другим с лёгкостью. Жар проносится по всему телу, стекая напряжением вниз, когда я чувствую его горячую плоть, все мои чувства обнажаются,

наши пальцы сплетаются.

Мужчина поддаётся бёдрами одновременно скользя губами по шее. Прикрываю от удовольствия веки. Вздрагиваю. Моё рваное дыхание соединяется с его тяжёлым. Мир уносит меня в пропасть...

...Экипаж резко останавливается. От неожиданности я покачнулась вперёд, едва успев удержаться от падения. С прерывистым вдохом выныриваю из глубины воспоминаний, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Прибыли! — докладывает кучер.

Прибыли. Да. Конечно.

Кладу ладонь на грудь. Проклятье. Пальцы подрагивают, сердце быстро бьётся в груди.

— Адалин, так нельзя! — сглатываю. Мне нельзя сейчас поддаваться прошлому. Нельзя. Я не должна.

Выжидаю ещё несколько минут, глубоко втягиваю воздух, расправляю плечи и берусь за ручку двери экипажа, выхожу из салона.

Главное здание законоуправления стояло в центре на главной площади Эферфолда. С белыми колоннами и длинной лестницей в свете солнечных лучей оно выглядело даже радужно.

Сжав в пальцах ридикюль, я уверенно ступаю на лестницу и поднимаюсь, кивая встречным законникам. Их форма отличалась от одежды обычных горожан: чёрная амуниция с золотыми пуговицами и символом на груди с правой сторо-

ны. Выглядела солидно, строго. Благородно.

Войдя в помещение, я сразу обратилась к дежурной службе.

— Добрый день, могу я пройти к господину Эстосу Вирону?

Мужчина с хмурым видом посмотрел на меня поверх круглых очков.

— Пропуск.

— Что?

— Без предварительной записи не принимаем, — сухо констатировал.

— Но я была у вас совсем недавно, моё имя Ридвон, Адалин Ридвон, — сделала на своей фамилии акцент.

Мужчина посмотрел на меня так, будто сомневался в правдивости моего заявления, но кажется моё имя ему было знакомо.

— Адалин Ридвон!!

Возглас со стороны заставил обернуться. Господин Вирон собственной персоной спустился по лестнице, быстро приблизился.

— Рад вас видеть, — поприветствовал громко.

— И я рада, господин Вирон, — кидаю едкий взгляд на дежурного и тихо продолжаю, — могу я с вами переговорить?

— Конечно, давайте отойдём, — указал в сторону высокого окна.

Законник выглядел довольным в то время как я была слег-

ка взволнована.

— Господин, в прошлый раз вы куда-то пропали, — подхожу к делу со стороны. — Я очень на вас надеялась, понимаете? И хочу, чтобы моим прошением занимались именно вы. Мне вас порекомендовали.

Мужчина несколько мгновений смотрел на меня непонимающим взглядом. Потом кашлянул в кулак и, осмотревшись по сторонам, повернулся ко мне, чуть склоняясь.

— Вы, наверно, не совсем понимаете, госпожа Ридвон. За ваше дело взялся самый лучший специалист, не просто специалист, а ас в своём деле. Какие у вас могут быть сомнения, — смотрит на меня так, будто я несусветную глупость сказала.

Я сердито выдохнула.

— Я всё понимаю, господин Вирон, но настоятельно прошу, чтобы вы продолжили вести моё дело, или подобрали кого-то другого, раз сами не можете.

Вирон помолчал, а потом вдруг рассмеялся.

— Вы меня веселите, госпожа Ридвон. Я не главный и не могу решать сам. Откровенно говоря, ваше прошение проигрышное, но, если господин Фоэрт Кан взялся за него, считайте, что вы поймали удачу, — он сделал ещё шаг ко мне, и вкрадчиво добавил, — не упустите его.

— Господин Фоэрт Кан? — переспрашиваю, пропуская мимо последнее напутствие. Сердце дрогнуло и быстро-быстро забилося, будто я узнала самую сокровенную тай-

ну. Имя того, кого я так избегаю, человека, с которым как я думала, никогда больше не встречу. Но... Почему мне так знакомо оно? Я когда-то о нём слышала, или нет?

— А вы разве не поняли? Понимаю ваш шок, леди. Я, если честно, сам удивлён, обычно господин маг занят более важными делами. Нет, нет ваше тоже важное, просто это не в его кругу вопросов, — выдёргивает меня из недоумения законник. — Ладно. В общем вы попали в нужные руки, госпожа Ридвон. Можете даже меня не благодарить, — смеётся, прищуривает хитро глаза. — Быть может позже, когда разбогатеете..., — снова смеётся.

Что он имеет в виду? И что его так смешит? Я сердито свела брови.

— Всего доброго, госпожа Ридвон, скоро вы вернётесь в свой дом как полноправная хозяйка, с чем вас и поздравляю! — подмигнул заговорщически Вирон и отступил, зашагал прочь, оставив меня у окна в полной растерянности.

— Подождите! — дёргаюсь было за ним, но дежурный не позволяет, приподнимаясь на своём месте.

— Пропуск!

Да нет у меня никакого пропуска!

Вирон ушёл, даже не обернувшись. Опускаю руки. И что же мне теперь делать? Я кусаю губы и бросаю взгляд на настенные часы. На встречу с Каном я сильно опаздываю. Но я и не хотела идти на неё! Почему он взялся за моё дело и Вирон посчитал это большой удачей? Неужели он меня узнал?

И теперь хочет снова развлечься?

Я поморщилась от острой боли, коснулась пальцами губы, стирая с нее капельку крови.

«— *Ваша усадьба будет в ваших руках*» — пронеслось в голове желанное обещание Вирона.

Мне необходимо сейчас больше всего, чтобы у моей дочери была крыша над головой. Вот только, кто я буду после этого? Господин законник ясно дал понять своё условие, назначив мне встречу у публичного дома.

Боже! Как же быть? Сердце взволнованно билось в груди. Нет, нельзя допускать лишних метаний и приплетать своё прошлое. Нужно действовать здесь и сейчас. Я должна думать о том, что моя дочь будет в безопасности и жить в комфортных условиях. А что если предложить ему плату... У меня остались драгоценности. Последнее что есть от моей семьи...

Развернувшись на каблуках, я уверенно направилась к выходу.

По мере того, как медленно пробирался экипаж через создавшийся затор на дороге, где заглохла одна из машин, меня охватывала тревога. Теперь я боялась, что опоздаю, и господин Кан не дожждётся меня, а потом и вовсе не захочет видеть! Эта мысль вызывала у меня панику и дрожь. Я не могу упустить такую возможность. Эстос Вирон прав. Я буду полной дурочкой, если лишу Кери дома!

Сжала во влажных от пота пальцах складки платья. Попы-

таюсь уговорить его отплатить чем-то другим, в конце концов я, как только найду работу, отдам ему весь долг!

Затор прорвался. Движение восстановилось. Это отвлекло меня от беспокойных мыслей.

Едва экипаж остановился, я открываю двери, кладу монету на плоску кучера и вылетаю на тротуар. Почти бегу, придерживая путающуюся в ногах юбку.

Добежав до “Синего бархата” останавливаюсь, лихорадочно прохожусь взглядом по людной площадке. Шум города заставил меня растеряться. Сердце колотилось под горлом, разбухло в груди, от охватившего волнения закружилась голова.

Опоздала! Я опоздала!!

Рванулась вперёд дальше по дороге, словно от этой встречи зависела моя жизнь. Сердце провалилось в ледяную пропасть от досады и разочарования, когда я не нашла законника, но следом замерло и ударившись о рёбра с такой горячей силой, что перехватило дыхание.

Фоэрт Кан стоял на дороге у чёрной машины, прислонившись бёдрами на край носа дорогого авто, по-деловому сложив руки на груди. Я ослепла от его блистательного солидного вида. Такой мужчина точно не может остаться незамеченным, в чёрной амуниции, очерчивающей его широкие плечи, мускулы рук и мощную грудь, украшали отличительные золотистые нашивки. Уложенные волосы вспыхивали в солнечных лучах раскалённой медью, игриво переливались, ко-

гда ветер шевелил их. От точёных мужественных черт лица невозможно было оторвать взгляд — так сильно они завораживали.

Он будто ощутил, что на него смотрят, повернул голову, и я попала под прицел его пронизательного взгляда. Я часто моргаю, пытаюсь выглядеть непринуждённо, но вместо этого застыла на месте. Собираю остатки храбрости в кулак. Направляюсь к нему.

Господин Кан вскидывает вверх кисть, смотрит на наручные часы, когда я оказываюсь рядом.

— Вы опоздали на полчаса, — в голосе чувствуются нотки раздражения, но я не обращаю внимания на них, просто вслушиваясь в его звучание.

— Простите..., — выдыхаю я запоздалые извинения. — На дороге был затор и...

Проклятье, почему путаются слова?! Я невольно смотрю в сторону публичного дома и тут же жмурюсь, одёргиваю себя, но господин Кан всё замечает. Он выразительно выгибает тёмную бровь и ухмыляется. Я вспыхиваю! Вся! Меня бросает в сильный жар.

— Что-то хотите сказать? — интересуется наверняка только ради издёвки.

— Да, хочу, — вскидываю подбородок. — Хочу сказать, что я приличная леди, вы не на ту напали и ваши методы на мне не работают. Вот что я хочу сказать! И вообще, если вы думаете, что работаете законником и вам позволено многое,

то не думайте, что со мной так можно! — Боже, это говорила? Как же горели щёки, в то время как взгляд господина Кана становился всё темнее, а ухмылка на его лице будто заморозилась, — если мои слова для вас пустые, то можете не братья за моё дело. Я найду выход сама.

Между нами, будто натянулся канат. Некоторое время я слушала шум на площади, а в груди всё больше и больше росла паника. Кажется, я перегнула палку.

— Госпожа Ридвон, — наконец спокойно произнёс он настолько спокойно, что я невольно начала тревожиться. — Вы о чём? — его вопрос ввел меня в ступор.

Его взгляд будто проник в самую душу, но больше всего меня вывело из равновесия то, что я не могу понять о чём он думает.

— Я могу заплатить деньгами, — уже не так уверенно сказала я, бросив последнюю попытку выйти из неловкого положения.

— Заплатите, если вам так приспичило, но сейчас, садитесь в машину, — он отстранился от двери и открыл ее.

Лёгкая оторопь делает моё тело непослушным.

— Но куда мы поедem?

— Садитесь же, и так на вас кучу времени потратил, леди Ридвон.

Эта команда подстёгивает. Я ныряю в салон машины, не рискую больше проверять его терпение. Сажусь на сидение, глубоко вдыхаю аромат дорогой туалетной воды, оставшийся

лёгким шлейфом от Фозрта Кана.

Слежу, как он обошёл машину и сел по другую сторону со мной рядом. Такой тесный контакт с ним доставляет мне дискомфорт.

— В Хастер-Вар, — сказал адрес водителю, где находилось мой... дом? — Будьте готовы, госпожа Ридвон — сейчас вы поговорите со своим отцом. Надеюсь для него речь вы намного тщательней подготовили, — уколол он.

Машина тронулась.

«— Поговорю с отцом? То есть именно сейчас у меня будет возможность его увидеть?»

Радость и волнение закружила голову, а потом мне вдруг сделалось стыдно. Господин Кан назначил место встречи, откуда было удобнее уехать в северную часть столицы и «Синий бархат» было местом ориентира.

«— Боже! Как я могла подумать о пошлом? — прикусила и без того раненные губы, скосив взгляд на мужские руки, что лежали на коленях господина Кана. — Как же неловко!»

— Вы сегодня без дочки? — вдруг поинтересовался Кан.

— Кери оставила у своей няни, — ответила коротко, улыбнулась и тут же отвела взгляд.

— Понятно, — смолк законник.

Снова повисла настораживающая тишина. Я отвернулась, чувствуя, как мне становится слишком душно. Его энергетика почти вдавливала меня в сидение.

К счастью, до усадьбы Ридвон мы доехали быстро. В эки-

паже я бы потратила несколько часов. Как же давно я не ощущала такой комфорт, со времён, когда ещё был жив дедушка.

Всю дорогу я смотрела в окно, наблюдала проплывающие живописные пейзажи; городские дороги плавно сменялись тихими улицами, с усадьбами родовитых семей, садами и виноградниками. Сама не поняла, как погрузилась в умиротворение, но стоило показаться белокаменным стенам Ридвон, как спокойствие улетучилось и на смену пришла уже до боли знакомая тревога.

Машина остановилась у парадных ворот. Водитель услужливо открыл дверцу сначала мне, а затем господину Кану.

Меня взяла лёгкая оторопь перед неприятной встречей с мачехой и её сынком. Хотя присутствие рядом законника, да ещё, по словам Витора, самого лучшего в столице, придавало не то, чтобы смелости, а стойкое чувство превосходства.

«— Теперь только посмейте оскорбить меня»

Мы поднялись по лестнице. Я хотела позвонить в дверь, но Фоэрт Кан мягко отстранил меня и сам, встав перед дверью, нажал на звонок. Повернул ко мне голову.

— Будете говорить, когда я вам это разрешу, — предупредил и достал из внутреннего кармана портмоне.

Быстро киваю. Сейчас была согласна на всё, лишь бы поговорить с отцом.

За дверью стояла гробовая тишина. Законник позвонил ещё раз. Мне оставалось лишь наблюдать, как его лицо приобрело совершенно расслабленный, скучающий и в то же

время элегантний вид. Вся эта кутерьма наверняка его утомляла, ведь как сказал Эстос Витор: моё дело не входит в круг интересов мага. Интересно, тогда что для него интересно, какой у него род занятий?

«— Стоп, стоп, стоп, Адалин, притормози, — мысленно встряхнула себя. — Не стоит слишком углубляться. В конце концов, когда я получу желаемое, мы разойдёмся и вряд ли я его когда-нибудь ещё встречу.»

Послышавшиеся за дверью шаги выдернули меня из размышлений. Я вся напряглась, а Фоэрт Кан, уперев ладонь в дверной косяк, ткнул под нос удостоверение высунувшей голову служанке, той самой Аманде.

— Дверь открой, — приказал он не церемонясь.

Оторопевшая служанка торопливо сняла цепь, распахнула двустворчатые двери. Фоэрт Кан уверенно, будто бы хозяин дома, шагнула за порог.

«— Боже, я действительно чуть глупость не сделала, отказавшись от его услуг»! — захлопываю рот и спешу за ним, вбирая в грудь побольше воздуха. — Ну держитесь, «родственнички»!»

— Сейчас я позову госпожу, — сбивчиво проямлила Аманда.

— Мне нужен господин Гастор Ридвон.

В глазах Аманды взметнулась растерянность. Она быстро поклонилась и молча бросилась прочь из холла, оставив гостей ожидать.

Фоэрт Кан стал осматриваться. Его внимательный взгляд не пропускает картины с живописными пейзажами, изящные статуэтки в углах, дорогую мебель.

— У вас большой дом, — вдруг говорит он, заполняя давнее молчание.

— Да, но обстановка изменилась..., — прикусываю язык, нельзя лишний раз упоминать о том, что я отсутствовала здесь много лет.

Хотя, с чего я взяла что вообще интересна? А почему нет? Ведь почему он здесь, почему помогает мне вернуть право на наследство? Может просто пожалел? Да ерунда, сколько таких, как я, обивают порог его кабинета? Тогда что? Может всё-таки узнал: бьёт наотмашь паническая мысль. Нет, это исключено, это бы не случилось так быстро, что он вряд ли вообще запомнил, посчитав меня за лёгкое мимолетное развлечение.

Мужчина ещё раз обвёл взглядом холл и остановил взгляд на мне.

— Скучали... по дому? — вдруг задаёт следующий вопрос, который окончательно выбивает почву из-под ног.

— Что? А... не знаю... может быть... скорее некогда было... скучать.

— Чем же так были заняты?

Каждый следующий вопрос загоняет меня в ловушку. Зачем он спрашивает об этом?

Облизываю ставшие сухими губы, прячу волнение по-

далее внутрь себя.

— Это как-то относится к делу?

На лице законника не возникло ни одной эмоции, но в следующий миг он разворачивается и шагает ко мне. Удерживаюсь, чтобы не отступить. Фоэрт смотрит мне в глаза.

— Почему вы так скрытны, не доверяете никому? Или чего-то боитесь?

— Боюсь? Чего мне бояться! — вздёргиваю подбородок.

Фоэрт хмыкает.

— Вы не показываете своих настоящих переживаний, а стоило бы, когда окажетесь перед судьёй.

— Перед судьёй? — не понимаю, видя, как сужаются в точке зрачки, которые обжигают мою кожу.

— Да, а что вас так удивляет? Ваш отец вряд ли передумает и добровольно вернёт вам всё. Вам придётся с ним судиться.

— Почему вы так считаете? — фыркаю я. — Я уверена, что он поймёт меня, в конце концов я его дочь!

— Дочь?! — посылает взгляд с усмешкой, — дочь, которую он за все эти годы ни разу не вспомнил.

Слова, как иглы, вонзаются в самое сердце. Он прав, я ни разу не получила от него ни одной весточки: ни звонка, ни письма хотя бы на праздник. Да что говорить, он не интересовался Кери, своей единственной внучкой, хотя прекрасно знал, что я родила дочь, и не важно от кого...

— Может, он на вас в обиде? — задаёт следующий вопрос законник, приподнимая бровь.

В замешательстве раскрываю губы.

— Но за что? — делаю растерянный вид с надеждой услышать не то, о чём я думаю.

— Вам лучше знать.

Кан узнал о несостоявшемся браке с родом Вильсонов? А том, что отец сделал это всё чтобы... проучить меня? Мне стало резко душно.

— Если это так, то на вашем месте я бы перестал рассчитывать на жалость отца, — щурит тёмные глаза и смотрит так, словно ждёт чего-то.

В глазах даже потемнело от вспыхнувшей злости. Жалость?! Жалость!! Да мне не нужна его жалость!

— Этот дом по праву должен принадлежать мне! — почти рычу я.

Фоэрт хмыкает.

— Это мне больше нравится, — удовлетворённо приподнимает бровь. — Злость — лучшее оружие в любой схватке. Но, этого, к сожалению, мало. И хочу чтобы вы сами наконец поняли это.

«— О чём он? — хмурюсь»

Пока я ищу ответ, маг отступает, поворачивается к одной из картин, на которой была изображена молодая дева, томно раскинувшаяся под тенью акации, в лёгком струящемся платье, чуть задранном на щиколотке; через полупрозрач-

ную ткань призывно просвечиваются очертания белой груди. Взгляд Фоэрта Кана скользит по утончённым изгибам, выполненным неизвестным мастером, задерживается именно на этом фрагменте.

А меня в очередной раз бросает в жар, будто его взгляд исследует не эту картину, а моё тело. Отворачиваюсь, дышу глубоко и часто.

— Так чем вы занимались, проживая на чужбине? — возвращается к предыдущему вопросу, не отрывая взгляд от полотна. Его голос заполняет весь мой разум, тело становится непослушным.

Он поворачивает голову, и я вновь попадаю в плен этих чёрных омутов, от которых жар начинает бежать по венам ещё быстрее.

Казалось, что он видит меня насквозь. Всю!

«— Боже, Адалин, это было так давно, у тебя уже взрослая дочка, ей четыре года, а я горю так, как будто это было вчера! Было единственный раз, было так незабываемо, восхитительно, безумно горячо и ни один мужчина не прикасался к тебе больше». Говорят, мужчины это чувствуют. И его каверзных вопросов стоит сторониться, как огня. Он не должен узнать правду, узнать меня и понять, что Кери...

Сухо сглатываю.

— Если это так нужно для моего дела, я отвечу на ваши вопросы, а если вас разбирает личное любопытство, поверьте, мой рассказ станет для вас скучнее, чем разглядывание

прелестей этой девицы, — киваю в сторону полотна, и отступаю ещё, инстинктивно увеличивая расстояние.

На этом, думала, разговор закончен. Но позади слышатся неспешные шаги. Замираю затаив дыхание, чтобы запах дорогой мужской воды вперемешку с его собственным, не попал внутрь меня, и окончательно не затуманил разум.

Нельзя допускать его так близко. Нельзя! Я боюсь этого, потому что не знаю, что произойдёт в следующем миг. Боюсь, что ждать от него, какие следующие слова. Я боюсь, что он скажет... что помнит меня.

Глава 4

Облизываю пересохшие губы, чувствую, как затылок опалает его дыхание.

— Я не настолько слеп, чтобы не видеть, — почти шепчет.

Не выдерживаю этого дикого напряжения, резко разворачиваюсь, часто моргаю, когда почти упираюсь в его грудь.

— О чём в-вы, господин законник? — с трудом выговариваю слова.

— О вашем страхе, о чём же ещё, — вдруг отвечает с прежней скупающей интонацией, смотря на меня сверху, — о страхе остаться на улице, об ускользающей надежде дать своей дочери лучшее будущее. В вашей ситуации женщины обычно не скупятся на эмоции и душераздирающие речи, а из вас каждое слово приходится вытягивать. И да, это полностью относится к делу.

Не успев осмыслить его слова, шум позади заставляет меня торопливо отступить.

В холл почти ураганом влетела Магрит, её яростный взгляд обжигает кипятком. Она проносится смерчем, игнорируя господина Кана, едва не сбивает меня с ног.

— Ах ты, мерзавка! — рывкает. — Посмела вновь явиться, я тебя кажется предупреждала не появляться в моём доме! — зло прошипела в лицо.

— Госпожа Магрит Ридвон, — голос Фоэрта Кана ударя-

ет, как гром среди грозových туч.

Магрит замирает, резко оборачивается.

— Угрозы не пойдут вам в пользу при разбирательстве,

— чеканит слова законник.

Женщина расправляет плечи, гордо вздёргивает подбородок.

— А вы кто такой, чтобы мне угрожать?! — безрассудно бросает ему и пускает в мою сторону, как острое лезвие, взгляд полный презрения. — Думаешь, натравишь на меня своего любовничка, грязная дрянь, и я испугаюсь, гадина?!

Я раскрываю губы, не зная, что ответить на подобные унижения. Хочется провалиться сквозь землю.

— Проваливай из моего дома, немедленно! Раймонд! Раймонд, сынок! Выгони эту поганку из нашего дома! — визжит громко.

Сгорая от стыда, бросаю несмелый взгляд на Кана. Кровь в жилах стынет, когда вижу вовсе не скучающую небрежность или насмешку в этом мужчине. Его скулы каменеют, холодный взгляд направляется на женщину. Я невольно ёжусь.

— Скорее вам следует проехать в участок, и выплатить штраф за оскорбление законоправника, — стальной голос пугает Магрит.

Мачеха громко фыркает, ощетинивается, будто утка, попавшая в зубы аллигатора. Пытается хорохорится, продолжает нападать, но уже не так уверенно.

— Хм, так я и поверила, откуда у этой проходимки деньги на законоправника?! Не разыгрывайте спектакль, со мной это не прокатит, — снова высокомерно фыркает, но сбавляет пыл под взглядом мужчины, — постойте, или она расплатилась своим телом? Тогда грош вам цена.

Фоэрт Кан делает шаг. Моё сердце начинает бешено колотиться. Законник достаёт удостоверение.

— Меня зовут Фоэрт Кан, я представитель отдела судебных разбирательств. Советую вам извиниться прямо сейчас перед госпожой Адалин Ридвон и передо мной в том числе.

— Я имею полное право ее так называть! Она..., — тычет в мою сторону кривым пальцем. — ...позорит наше имя, и я как старшая...

— Я не собираюсь повторять дважды, — жёстко обрывает мужчину, повышая интонацию, и в его голосе я слышу угрозу. — Извинитесь перед леди.

Сглатываю, сжимая пальцы в кулаки. Я ведь привыкла защищать себя сама, не полагаясь ни на кого. Сердце вдруг сдавило горячей теснотой. Нет, нет, нет я, как и прежде, должна полагаться только на себя.

— Прошу извинения, уважаемый блюститель порядка, — с каким-то ехидством выдавливаю из себя слова Магрит. — Но эта га... не заслуживает даже моего взгляда!

— Мне не нужны извинения этой женщины, господин Кан, — шагаю вперёд, смотрю на мачеху свысока. Магрит выпячивает грудь и делает шаг ко мне, задирает нос, её

взгляд мечется, подыскивает ругательства.

Фоэрт смотрит на меня, а я собираюсь с мыслями, вспоминая его предупреждение не вмешиваться.

— Матушка, что тут проис...

Раймонд резко замолкает.

Увидев при входе незнакомого мужчину, спотыкается. Почему-то это его так шокирует?

— Неужели ты не поняла, что мой муж знать тебя не хочет, — вливается в меня взглядом полным ненависти.

— Если он не желает говорить со своей дочерью, пусть сам об этом скажет, а не посылает постороннего решать его проблему — вмешивается Фоэрт. — Пусть спускается добровольно, или нам придётся встретиться в суде. Выбирайте.

Магрит ошеломлённо смотрит на Фоэрта, потом на меня.

— Какой стыд, позоришь своего отца, — выплёвывает слова.

— Что это за отец, который оставил единственную дочь без средств к существованию и дома, — одёргивает его Фоэрт. — Поторопитесь и не отнимайте моего времени, госпожа, — почти рычит Кан.

Магрит хмыкает.

— Раймонд, — поворачивается к своему сынку. — Позови Гастора, пусть он ей сам скажет, что думает о ней. Возможно, так будет убедительнее.

Раймонд шмыгнул в дверь, сбив с ног притихшую служанку. Бедолага ударилась о косяк двери, услышав ответ грубое

ругательство этого хлыща.

— Раз вы уже здесь, господин законник, — Магрит идёт к комоду, открывает, верхний ящик и вынимает лист бумаги, возвращается и протягивает Фоэрту Кану. — Вот, я требую, чтобы эта... возместила денежные средства моему сыну за причинённые увечья.

Фоэрт бросает на меня взгляд, от которого у меня начинают потеть ладони. Берёт документ и начинает его изучать. Я, переминаясь с ноги на ногу, пытаюсь понять по его лицу хоть что-то, но не выходит. У него совершенно отстранённый, непроницаемый и холодный взгляд.

Заканчивает читать и поднимает свои темные глаза на ма-
чеху.

— Ушиб на колене вашего сына?

— Именно, — уверенно вздёргивает подбородок.

— Его ударила леди?

Магрит кривится.

— Какая разница?!

— Кери ещё ребёнок! — не выдерживаю я, теряя самообладание.

Казалось Фоэрт на миг окаменел, а потом сжал пальцы, скомкав бумагу в кулаке.

— Что вы делаете?! Да как вы смеете! Я буду жаловаться на вас!

Заявление падает на пол.

— Ваша претензия не может быть исполнена в отношении

ребёнка, — холодно отвечает законник. — А вот вам придётся выплатить госпоже компенсацию за клевету, а заодно зайдите в управление и пожалуйста на меня.

Магрит раскрывала и закрывала рот, как выброшенная из воды рыба.

На последние его слова так и не нашлась что ответить.

Наши взгляды с Фозртом многозначительно встретились.

У меня внутри всё плещется от ликования, понимаю, что смотрю на господина мага с восхищением и тут же себя останавливаю. Он просто исполняет свою работу. Только... Но работу, которую мог бы не выполнять.

— Что тут происходит?! — раздаётся тяжёлый громкий бас.

Я стискиваю пальцы в кулаки и призываю всю свою стойкость.

По мере того, как мой отец спускается с лестницы, сердце болезненно сжимается. Как же он изменился за эти пять лет: густая шевелюра поседела, тело ссутилось, только глаза были все те же — холодные и пронизательные. Он смерил меня взглядом с головы до ног, затем, прищурившись, спросил:

— Ты что здесь делаешь?

Я растерялась.

— Вернулась домой, — говорю очевидное, но вдруг стало плохо от его железного тона.

— Зачем?

— Гастор! — взвизгнула Магрит, — объясни своей дочери наконец, что здесь ей не рады, а то похоже она забыла, что такое уважение, — Магрит встала рядом с Раймондом, вид которого становился всё больше напуганным.

Я бросила короткий взгляд на Кана. Он кивнул, дав знак, что можно говорить, хотя его взгляд был неодобрительным.

Я шагнула к отцу.

— Папа, что происходит? Я ...

— Я же тебе говорил! — оборвал на полуслове отец. — Если уедешь, то назад дороги не будет!

— Папа...

— Ты наплевала на моё решение, спуталась с каким-то мерзавцем, родила внебрачного ребёнка, растоптала нашу честь и покинула дом, которого у тебя больше нет. Ты наплевала на своего родителя. Я желал тебе лучшей участи, а теперь чего ты хочешь? Зачем приехала?

Меня затрясло, а сердце покрылось льдом. Воздуха стало резко не хватать. Слышать такое было больно.

— Приехала позориться? И позорить меня, — цедил он со злобой сквозь зубы. — Вот что я тебе скажу — возвращайся туда, откуда приехала и не показывайся мне больше на глаза. Я не хочу тебя больше знать. Ты мне больше не дочь.

Мои губы дрогнули. Я поджала их, понимая, что теряю самообладание. Не могу поверить. Но, между нами, неизбежно выросла огромная стена отчуждения. Через нее мне ни за что не пробиться. Хотелось разрыдаться прямо сейчас пе-

ред всеми. Гастор Ридвон посмотрел с безразличием на мою немую боль и отступил, но задержался. Повернулся.

Его взгляд впился в Фоэрта Кана, и только тут я увидела, как дёрнулся желвак на скуле отца, а крупная ладонь сжалась в кулак до белых костяшек. Казалось, воздух зазвенел напряжением, но в следующий миг отец развернулся, чтобы уйти.

Я хотела крикнуть ему, чтобы он остался, но давящее чувство обиды и несправедливости душило. Я ведь его дочь. Он не может так жестоко со мной поступить.

В воцарившейся тишине я слышала тяжёлый вдох Фоэрта Кана.

— Господин Ридвон, — остановил его маг.

Отец замер, приподнимая напряжённо тяжёлые плечи. А по моим лопаткам прошёлся неприятный холодок. Я не понимала, что происходит, сложно было справиться с смешанными чувствами, но похоже, отец знает законника, как и Раймонд.

— Ждите, когда я вызову вас в судебный отдел, — говорит спокойно Фоэрт.

Задержала дыхание, когда отец медленно обернулся, напряжённо сузил веки, бросил острый, как лезвие, взгляд на представителя закона.

— До встречи, господин... Кан, — ответил с каким-то пренебрежением и отвернулся, взявшись за перила рукой поднялся лестнице, не сказав больше ни слова.

— Вы можете не пытаться, господин законник, — встала

перед нами Магрит, — эта... девушка не имеет к нашей семье никакого отношения, — вздёрнула подбородком и с гордой осанкой и полной победой в глазах женщина последовала за мужем.

— И-извините, — пробормотал Раймонд, торопливо поклонился господину Кану и бросился вслед своей матери.

В ушах стоял звон, мне хотелось одного — сорваться с места и скорее сбежать отсюда. Спрятаться там, где меня никто никогда не найдёт. Как и прошлый раз, это чувство разрывало грудную клетку и мешало дышать. Разворачиваюсь, избегая встретиться взглядом с Каном, подхожу к двери на ватных ногах.

Вылетаю на порог, прислонившись к колонне и жадно делаю глубокий вдох. Прохладный ветерок скользит по горячей коже век, пара капель, сорвавшиеся с крыши крыла, ударяют по щеке и подбородку. Смотрю на серое тяжёлое небо. Оно беспощадно давит, как и боль внутри меня.

Проглатываю душащие слёзы, когда слышу сзади себя шаги Фоэрта Кана. Не оборачиваясь, спускаюсь с мокрой лестницы и иду под дождём к воротам. Ищу взглядом свободный экипаж. Но дорога пустая. Шагаю на тротуар как тут же вздрагиваю, когда мой локоть ловит жёсткий, но не причиняющий боли захват мужской руки.

Я оборачиваюсь.

— Куда опять бежите? — спрашивает господин Кан.

Медные волосы мужчины от влаги мгновенно становятся

тёмными, почти чёрными. Пряди завиваются, придавая лёгкую небрежность всей шевелюре. Блеск в его глазах обжигает меня и заставляет забыть обо всем.

Горячие пальцы вжимаются в кожу, отрезвляют. Торопливо высвобождаю руку.

Я не знаю, что ответить, внутри нарастает колючий снежный ком разных эмоций. Хочу побыть одна. Хочу сбежать. Он прав.

Поднимаю голову, подставляя лицо холодным тяжёлым каплям.

— И когда успели набежать тучи? Я совсем отвыкла от весны, которая бывает в Эферфолде, — начинаю нести чушь, пряча за слабой улыбкой отчаяние. — Возможно и не стоит вновь привыкать, а вернуться туда откуда уехала..., — горько усмехаюсь, повторяя слова отца, и замираю, когда встречаю потемневший взгляд Фоэрта.

— М-да... Зря я взялся за это дело, — прищуривается и смотрит в сторону. — Вы не заслуживаете того, чтобы я отстаивал ваши права. Бегите, конечно. Но знайте, от себя не убежишь, леди. И чтобы вызвать к себе уважение других, вам нужно начать, в первую очередь, уважать себя.

Я ошеломлённо раскрыла губы, совсем не ожидая подобной жестокости.

— Вы действительно вызываете жалость, и неудивительно, что ваши родственники вытирают об вас ноги и позволяют это делать другим.

— Довольно, господин законник. Хватит, — обрываю я, не сдерживая злых слёз, которые текут из моих глаза, они смешиваются с дождевой влагой на моём лице, теперь их можно не прятать.

Напряжённую тишину разбавил усилившийся ливень. Я дышу тяжело, чувствуя, как на мне мокнет одежда и неприятно прилипает к телу. Мне становится холодно.

— Я жду вас в машине, — говорит он и отступает.

— Не нужно, — мой голос дрожит, но я заставляю себя говорить, — я найду экипаж.

— Найдёте, — соглашается, стискивает зубы, его влажные от дождя скулы напрягаются, он закрывает на пару секунд глаза, — но в другой раз. Мы ещё не закончили, — морщится на дождь, разворачивается и идёт к автомобилю.

Сглатываю, борюсь с раздирающими на части сомнениями.

«— За что мне всё это, боже?! — отчаянно кричу, сдаюсь и плетусь за ним. — Одного разговора с отцом хватило, чтобы вся моя решимость разлетелась в пух и прах»

Мужчина открывает дверь, бросив на меня мрачный, заставляющий меня поторопиться взгляд.

Сажусь в салон, слышу, как по стеклу бьют капли усиливающегося дождя.

Законник усаживается рядом со мной и хлопает дверью авто. Фоэрт встряхивает рукой, сбрасывая влагу с рукава пиджака.

— Чёрт, — срывается с губ мужчины сдержанное ругательство.

— Не любите дождь? — зачем-то спрашиваю я.

Он поворачивает голову и внимательно скользит по моему лицу взглядом, от которого меня пробирает зябкая дрожь. Кан снимает с себя пиджак, накидывает на мои плечи.

Меня окутывает сильный запах дорогого парфюма.

— Что вы... не нужно, — пытаюсь возразить, но Кан стянул его на мне закутывая плотно, как маленького ребёнка, смотрю на него изумлённо и меня будто током пронизывает — его лицо так близко, что я вновь тону в безднах его пугающе чёрных глаз, и погружаюсь в туман от того, что его влажные от дождя губы находятся очень близко. От этого ощущения у меня перехватывает дыхание, а сердце бешено начинает колотиться.

— Не хватало, чтобы вы заболели, — говорит он, не дав мне возможности возразить

— С-спасибо, — шепчу я, стукнув зубами, осторожно стягиваю пиджак на плечах.

— Скажите адрес куда вас нужно довезти.

— Уил-Вит шестьдесят четыре, это адрес госпожи Габоры Эдисон нашей няни. Сначала нужно забрать Кери, — зажмуриваюсь, зачем я это сделала. Нужно было отказаться сразу.

Кан повернул голову к водителю.

— Поехали.

Фоэрт Кан

Смотрит на меня огромными глазами. Губы раскрыты, такие сочные пухлые, так и соблазняют коснуться их. Стискиваю до скрежета эмали зубы, отстраняюсь и команду водителю:

— Поехали.

Машина тронулась и выехала на дорогу.

Смотрю отвлечённо на поток воды, льющийся по стёклам. На улице потемнело. Кажется опять надолго. Что за невезение! С мрачностью «созерцаю» развезённые слякотью дороги. Но создавшаяся тишина настораживает.

Бросаю косой взгляд на Ридвон. Сидит, притихла, стискивает пиджак в подрагивающих пальцах и жмётся к двери. Боится, что ли меня? Или никак не согреется? Глупая, зачем под ливень выбежала?!

Эти глаза огромные, полные слёз, и губы нежные блестят влажно... «— Чёрт, какого чёрта я вообще об этом думаю?»

«— И чего побежала, спрашивается? Будто бы не знала каков будет ответ её папаши. Который оказался настоящим...» — сдерживаюсь от грубого ругательства.

Теперь, когда раздражение утихло, мои слова, сказанные ей, казались немного грубыми. Как она ещё не разрыдалась передо мной. Но что мне было нужно сказать, чтобы её чувства привести?! Пожалеть? По головке погладить?

Представляю это и усмехаюсь самому себе. Боюсь на утешение это мало бы походило, а меня в ещё лишний раз упрекнули бы в пошлых намерениях. Фыркаю, когда вспо-

минаю распалённый вид Ридвон возле публичного дома, этот стыдливый румянец на щеках. Расслабляюсь совсем.

— ...Это случилось пять лет назад, — вдруг говорит она. — Наша помолвка с Тарсоном... Отец считал, что Тарсон Вилсон, лучшая для меня партия, но за два дня до свадьбы... Я застучала его с любовницей... Он оскорбил меня, сказал, чтобы я молчала и смирилась... Забыла, что видела. Я знала, что отец не согласится с моим решением отказать Тарсону, что он будет злиться, но я не думала, что он... отвернётся от меня, — прерывисто вздохнула. — Тарсон посчитал себя оскорблённым, раздул скандал, вывернул правду наизнанку и обвинил меня в измене. Что это он... застал меня с другим... Мне пришлось уехать, потому что... стало невыносимо жить. Меня осуждали и презирали. Мне было не место в Эферфолде. Возможно, мне стоило бы так и сделать, послушать отца и подчиняться, а не идти наперекор родительской воли, ведь многие женщины так живут... И кажется их всё устраивает..., — губы дрогнули в горькой улыбке. — Вот он и решил проучить меня, наказать... Оставив меня ни с чем.

Эту историю я уже слышал от отца. Но от неё она звучала иначе.

— Тарсон Вилсон — скотина. А ваш отец должен был встать на вашу сторону.

Адалин повернула голову и посмотрела на меня с изумлением.

— Что? Если я представитель закона — это не значит, что

я не имею право называть всё своими именами. Какие у вас были ранее отношения с Гастором? До этого случая.

Некоторое время Ридвон молчит, потом задумчиво пожимает плечами.

— Он редко проявлял ко мне тёплые чувства, был чёрств и скуп на внимание, порой мне казалось, что я ему безразлична... Обо мне заботился до совершеннолетия мой дедушка, Роу Ридвон. И отца это устраивало. Раньше папа всегда был в разъездах, мы редко встречались, но, когда всё-таки собирались за общим столом, он интересовался только моими успехами в учебе и проявлял недовольство, когда я в чём-то не преуспевала. Из-за этого дедушка часто ссорился с ним. Я чувствовала за собой вину, что из-за меня они подолгу не разговаривали...

— А после того как вы... отказали Тарсону Вилсону, как Гастор отреагировал?

Адалин опускает взгляд и долго смотрит перед собой.

— Он был в гневе, много наговорил мне всякого...

— Он вас бил?

Она посмотрела на меня, сверкнула взглядом, кивнула.

— Да, ударил в порыве.

Я стискиваю челюсти и мозг начинает выдавать целостную картину.

— Вы уехали из дома. Вместо того, чтобы сразу заняться своим наследством, и оформить все нужные документы, вы впали в тяжелую депрессию. Остались без поддержки, дру-

зей, близких. Вами управлял страх. Вы боялись, что вас осудит общество. Для вас на тот момент отъезд был единственным выходом из сложившейся ситуации. И ни о каком наследстве вы думать не могли. Несмотря на гнев вашего отца, вы верили ему, что он с вами так не поступит. Верно? — поворачиваю голову к изумлённой Ридвон.

— Да, господин Кан, всё верно, — соглашается и отводит взгляд, испытывая неловкость.

— Вам может показаться, что я пытаюсь залезть к вам в душу, — я чуть наклоняюсь, смотрю в её глаза, — но не обольщайтесь, чужие проблемы меня не волнуют. Для меня важно выиграть, — тру мочку своего уха и морщась показываю, как сильно важен для меня этот момент. — Понимаете?

Она торопливо кивает.

— Я и впрямь думала, что его злость на меня пройдёт, думала, что он...

— Сменит гнев на милость?

— Да, наверно, — задумчиво отвечает.

— Ну а теперь рассказывайте, где вы всё это время жили?

— С тётей, у маминой сестры. Она приняла меня в своём доме. Но недавно из академии вернулся её внук... Нужно было освободить место...

— Выходит, вас не было пять лет, а не три года, как вы сказали сначала, — усмехаюсь я. — Вы бы не вернулись в Эферфолд, если бы тётя предложила вам жить у неё?

— Вернулась. Моя дочь растёт, а этот дом дедушки, её по

праву. Я не смею лишить Кери его.

Мозг тут же начинает строить догадки: а что если у неё с Тарсоном была... близость до свадьбы...?! А потом она застала его с любовницей и не смогла переступить через свою гордость, отказала ему, а уехать пришлось... из-за того, что забеременела от него? Тарсон, конечно, не будет очернять своего имени, признавшись, что он взял её до свадьбы. Скорее всего и затеял скандал, чтобы подстраховаться в случае, если Адалин обвинила его, в том, что он забрал её честь.

Лучше бы она так и сделала. Чем просто уехала, признав свою вину за то, чего возможно она не совершала. Тарсон вполне мог её заставить сблизиться. И это может сыграть весомую роль в её пользу.

— Вполне веский аргумент, — отвечаю, — по праву — да, но тут выходит очень большой и сомнительный пробел. Понимаете, о чём я? Вы всё хотите для своей дочери, которая родилась в не брака, это не добавит вам пользы на суде, — деликатно подхожу я к главному, намекая чтобы она раскололась.

— О чём вы, господин Кан? — хмурится недоумённо.

— Подумайте сами. Как это выглядит? По всем законам ваш отец имел права лишить вас всего, даже имени. Вы ослушались его воли, к тому же очернили, оставив незаконно-рожденного ребенка. Закон может вполне встать на его сторону, — произношу острые слова.

Лицо Ридвон побледнело. Не хватало ещё чтобы она в об-

морок грохнулась. Нужно заканчивать Фоэрт.

— Поэтому для меня очень важна правда, леди Ридвон.

От меня не ускользает, как Ридвон напряглась. Я скользнул взглядом по её светлым волосам, которые немного подсохли и теперь завивались воздушными локонами, спадали вниз на её плечи. Посмотрел на бёдра, обтянувшие влажное платье, острые колени и тонкие щиколотки. Фигурка у нее несомненно изумительна. Смущало меня только то, что у ее ребенка официально не было отца. О плохом в отношении неё думать не хотелось. Но я не мог не учесть того, что отец девочки не признал отцовства, но мне этого было мало. Я должен знать, почему он не женился на ней, что с ней не так? Что скрывает? Любопытство разбирало. Хотя и не присуще было мне это от рождения. Ридвон заняла все мои мысли в последние дни.

— Я поняла вас, — сорвалось согласие с её розовых губ. Поднял на неё взгляд.

— Между адвокатом и клиентом не должно быть никаких секретов, леди. Я должен знать обо всех скелетах в вашем шкафу. Лишь только в этом случае смогу вам помочь.

— Адвокатом?

Я закатил глаза.

— А вы что думали, я к вам в охранники заделался? К тому же я должен вам доверять, а для этого вы должны быть... откровенны со мной, мисс. Но раз вы не готовы на “такой” диалог. Давайте перенесём его на следующую нашу встречу.

А пока подумайте над тем, что я вам сказал.

И снова получилось двусмысленно, но ничего не могу с собой поделаться, она — мишень для подобных провокаций.

Смотрю на неё, и мысли сводятся лишь к той девушке в кружевной маске. Которую повстречал пять лет назад... Дата сходилась.

Она — отчаявшаяся невеста, попавшая ко мне в руки? По телу проходит дрожь, а пах обжигает огнём.

«— Я приличная леди, вы не на ту попали, и ваши методы на мне не работают. Вот что я хочу сказать! И вообще, если вы думаете, что работаете законником и вам позволено многое, то не думайте, что со мной так можно!»

Нет, это не она. Разочарованно вздыхаю. Но эта леди явно что-то недоговаривает, тем самым оставляя в своём прошлом тайну.

Мысли путаются, и все потому, что Ридвон не хочет внести ясности. От этой суматохи в голове начинаю злиться.

— Послушайте, мисс Адалин. Леди, — сдержанно обращаюсь к ней, хотя самого трясёт от гнева. — У меня больше нет времени вытягивать по капле информацию из вас. Пожалуй, я прав. И нам всё же стоит перенести с вами разговор на другое удобное для меня время. В ближайшие дни я пришлю к вам курьера.

— Да, господин, — соглашается и снова смотрит так, будто хочет что-то сказать.

Нет бы сознаться во всём. При следующей встрече я сде-

лаю так, что она сама мне всё выложит и даже не заметит этого. А точнее, то, забеременела она до свадьбы или после. И кто отец ребёнка.

Мои мысли прерываются, когда машина поворачивает на нужную улицу с рядом двухэтажных домов с высокими крышами. Останавливается перед нужными воротами.

Я поворачиваюсь и беру зонт, выхожу из машины, раскрываю его, и, обойдя авто, открываю дверь. Ридвон выскальзывает наружу.

— Идите за ребёнком, я вас подожду. Возьмите, — вкладываю в её ладонь ручку зонта.

Адалин задерживает взгляд на мне, а потом, будто опомнившись торопливо снимает с плеч пиджак и протягивает мне.

— Спасибо, господин Кан. Я постараюсь быстро, — разворачивается и идёт к железным воротам.

Смотрю ей вслед.

— Ссс, — вытираю с шеи ледяные струйки, что скользнули за ворот, и открываю дверь. Сажусь на переднее сиденье.

Жду я не долго, Адалин вместе с ребёнком появляются в воротах уже через несколько минут. Даю знак своему водителю посадить их.

Разместившись, трогаемся с места и едем по новому адресу, пытаюсь не вслушиваться в весёлые трели девочки, которая показывает маме альбом со своими рисунками.

Я делаю вид, что не вникаю в разговор, который мне дол-

жен быть неинтересен, но так и не могу сосредоточиться хотя бы на дороге, всё больше прислушиваясь к речи девочки. Выхватываю взглядом в зеркале то лицо Кери, то Ридвон, которая обнимает дочку и хвалит. Перед дочерью она умело скрывает свои чувства.

— Мама, я вела себя холошо, тётя Габола очень доблая, я даже всю кашу съела, а потом она достала класки, вот, смотли, что я нарисовала, тебе нлавится?!

Ридвон увлечённо восторгается, листает альбом, но вдруг замолкает.

Смотрю в зеркало и вижу, как хмурятся её брови.

— А это кто, милая? — задаёт вопрос Адалин, в голосе читается настороженность.

Девочка подставляет ладошку к уху мамы и шепчет:

— Господин закольник, — Кери стреляет глазами в мою сторону.

Я хмыкаю. Мне не приходилось общаться с детьми, но, кажется, эта маленькая леди знает с пелёнок секреты очарования.

— А это? — задаёт следующий вопрос Адалин.

— Тлссс... — Кери прижимает палец к губам матери. — Это злое чудлоище.

Я поворачиваюсь и бросаю взгляд на рисунок, но не успеваю ничего рассмотреть. Ридвон торопливо закрывает альбом, давая чётко понять, что посторонним в их личной беседе не место. Кери смотрит искрящимися весельем глазами,

в то время как Адалин бледнеет.

Водитель тормозит. Мы приехали по адресу.

Охватываю взглядом узкое двухэтажное серое строение гостиного двора с невзрачными тесными домами, приклеившимися по периметру, и понимаю, что это не самое удобное место для жилья.

— Как тут люди живут? — спрашиваю я и брезгливо морщусь.

— Спасибо ещё раз, господин Кан, — торопится выйти Ридвон, явно чем-то взволнованная. Хочу знать, чем, но одёргиваю себя. Зачем мне это нужно?

— Можете оставить себе, — бросаю девушке.

— Что? — замирает.

— Зонт. Можете взять зонт, — киваю на сиденье и ловлю взгляд девочки, в глазах которой так и искрятся озорные огоньки.

— Спасибо, я верну. Кери, попрощайся с господином.

— До свидания, господин закольник!

Киваю, чувствуя себя немного некомфортно перед такой детской непосредственностью.

Провожая их взглядом, машинально поднимая пятерню в боковое стекло в ответ активно машущей руками девочке, и тут же убираю, когда ловлю настороженный взгляд Ридвон. Кашляю в кулак и отворачиваюсь.

— Вперёд, — бросаю притихшему водителю.

— Да, господин Кан, — поворачивает ключ в зажигании,

заводит двигатель и резко трогается с места.

Что же мы имеем? С родственничками всё ясно, с ними я ещё проведу беседу. Больше всего меня интересует госпожа Магрит Бартон и её сын. Кстати стоит о нём навести справки.

В который раз задаюсь вопросом зачем мне это, главе магического отдела? Возня с подобными мелкими неразберихами? Усмехаюсь. Может всё дело в ней, когда увидел в её глазах растерянность и отчаяние, я вспомнил себя.

Когда-то давно мне тоже была нужна помощь... И я так же упрямо от неё отказывался, рискуя... умереть.

Водитель повернул на знакомую улицу.

— Вон там останови, — указывая в проулок, где вывеска ювелирной.

Машина подъехала к двери. Надеваю пиджак и вылезаю из салона под дождь в два шага поднимаюсь на порог закрываясь от дождя руками. Вижу табличку, с надписью «перерыв».

— Какого чёрта!

Берусь за ручку заперто. Стучу в дверь кулаком.

Испуганное лицо ювелира мелькает в стеленной двери почти сразу, он торопливо отпирает её.

— Господин Кан, добрый день! Проходите господин Кан! Извините, господин Кан! Я ждал вас, господин Кан! Всё готово, как вы и просили, — прыгает он вокруг меня, когда я отряхиваю влагу.

— Сделал? — перехожу сразу к делу.

— Разумеет господин Кан, как и обещал, минуточку.

Он забегают за стеленный прилавок, несколько секунд копается в ящике и наконец протягивает конверт вместе с футляром.

Бросаю на него взгляд.

— Здесь вся информация, которая вас волнует господин Кан, с подробным описанием, — улыбается.

Смыкаю губы и выдёргиваю белый из его пальцев конверт вместе с футляром.

— Господин Кан, — позвал Кьерс. — Надеюсь ответ удовлетворит ваш интерес.

— А что? — прищуриваю взгляд.

— Нет-нет, ничего, просто идёт годовая проверка и...

Я поворачиваюсь к нему всем корпусом.

— Взятку мне предлагаешь? Рехнулся что ли?!

— О, нет что вы, господин Кан!! Просто хотел сказать, что жду вашего визита, — стушевался ювелир.

Меряю его взглядом, разворачиваюсь и иду к выходу, прячу конверт во внутренний карман, решая раскрыть его дома. Схожу с порога и ступаю ботинком в ямку с лужей, обрызгивая штанину. Чёрт!

Разворачиваюсь ловлю разъярённым взглядом выглядывающего за стеклом ювелира.

— Выложи тут плитку в конце концов!

Кьерс виновата пожал плечами и закивал.

— Проклятье, — шагаю к машине.

Темнело в пасмурную погоду быстрее, чем в безоблачные дни, поэтому до дома добирался почти в сумраках, заехал по пути ещё по кое-каким делам, забрав и свежую прессу, подъехал в Вигфор, как раз к ужину.

Хорошо, что ливень закончился. Запах дождя освежал, но всё равно ненавидел сырость. Вышел из машины увидев горящий свет в комнате второго этажа и всего первого.

— Воот билиин, — произношу с протяжным стоном.

Очередной сюрприз.

Запрокидываю голову и выдыхаю.

— Мама, — зажмуриваюсь роняю голову на грудь и смотрю с любопытством на дом из-под выгнутой брови, — почему именно сегодня?

Постояв немного собираюсь с мыслями шагаю к парадному входу.

Только у мамы могли быть ключи от моего дома. И по всем здесь она уже довольно давно. Не успел я войти в холл как нюх сразу почуял вкусные запахи, тянущиеся из кухни. Прислуга госпожи Кан орудовала везде, в том числе в моём холле, смахивая пыль с полок и ваз, которой и так тут не могло быть.

Делаю терпеливый вдох и бросаю прессу на комод.

— Фозрт! — строгий тон госпожа Кан и плавная поступь с лестницы, отпугивает прислуг, которые переставали дышать при одном её взгляде. Что сказать моя мама относилась к весьма холодным и довольно жёстким женщинам.

Приблизившись ко мне, Джолит внимательно осмотрела моё лицо.

— Добрый вечер мама, — улыбаюсь, стараясь быть непри-
нуждённым.

— Фоэрт, ты задерживаешься на работе, сидишь опять до поздна! Да ты весь мокрый, под дождь попал?! Снимай мокрое.

— Да всё в порядке, — пытаюсь заверить, но госпожа Кан не слушает, стягивает с меня пиджак отдаёт служанке, и под-
талкивает к столовой.

— И наверняка голодный, идём, ужин уже готов.

Прислуга вокруг засуетилась, принявшись подавать горя-
чее блюда. Я смотрел на маму отмечая её внешний вид. Ма-
ма считалась красивой женщиной, но недуг что тревожил её
давал о себе знать, она сильно сбавила в весе, и от того ли-
цо казалось бледным, её живые полные огня глаза, скрывали
это, но всё же, я знал, что ей нездоровится.

— Хорбен только вчера мне сказал, что ты был у нас. По-
чему не позвал меня? — сердито спрашивает.

— Прости, мама, не хотел тебя тревожить, — взял за при-
боры, скрывая вину перед этой женщиной.

— И как ты можешь этим меня тревожить, скажи? Что за
глупости ты говоришь? Хорбен уже получил от меня наре-
кания.

— Да ты права, извини.

Я знал, что за её строгостью всегда таилась доброта и за-

бота, просто мама не хотела себя считать слабой. Особенно сейчас.

— Как ты? — спрашиваю, склоняясь над тарелкой супа.

— Хорошо Фоэрт, а как ещё должно быть? Почему ты об этом вообще спрашиваешь, или считаешь свою мать не способной приехать к собственному сыну?

— Нет мама, ну что ты, я не это имел ввиду...

Чёрт.

Джолит вздёргивает подбородок.

— Как ты обходишься без прислуги? — вдруг переводит тему. — Кто готовит есть? Ты похудел. Как ты питаешься Фоэрт?

— Я в прежней форме мама, ни сбросил ни грамма.

— И всё равно. Завтра займусь этим вопросом.

— Не нужно мама, правда я справляюсь, — морщусь я, представляя что-то кто посторонний будет в моём доме.

— Никаких разговоров, — обрывает госпожа Кан. — Я всё решу, тебе нужно качественное питание, как минимум. Ты не ответил на вопрос кто гладит тебе костюмы, кто убирает, кто тебе готовит? Опять питаешься в забегаловках?

Закатываю глаза.

— Мама, я никогда не питался в забегаловка. Я готовлю сам, — отвечаю избегаю прямого контакта в глаза. Из всего перечисленного я только готовлю, что у ж сказать всё остальное делает тьма, это правда. Но об этом она не должна знать.

— Не поверю, — хмыкает. — Когда у тебя на это всё

есть время, если ты приходишь так поздно?! Довести меня хочешь?! — начинает распаляться мама. — Скажу об этом Хорбену.

— Нет! Не говори отцу, пожалуйста.

Мама удивлённо смотрит на меня.

— Ему не интересно будет, скорее он тебя не поддержит, — быстро нахожу что ответить.

Проклятье, ели отец об этом узнает он сразу заподозрит меня в использовании запретной силы.

— Ты прав. Тогда решено я займусь этим вопросом сама, раз ты не хочешь. Завтра же найму тебе прислугу.

Продолжаю есть хмурясь, понимая, что госпожу Кан не переспорить. Правда спокойно поесть не удалась, выслушав целую петицию о том какая вредная у меня работа и как необходимо поддерживать себя. Под конец ужина всё же успокаивается.

— Фоэрт, — позвала вдруг так, что меня настораживает её тон.

— Да мама.

— У меня в гостях была Паулина...

Откладываю вилку и смотрю на неё, сдерживаясь от того чтобы не стиснуть клаки.

— Что ей нужно?

— Ничего, расспрашивала о тебе...

Я сглатываю вставший в горле ком.

— Кажется, ты ей нравишься.

— И что с того? — мысленно душу эту стерву, которая вздумала крутится под ногами моей матери. Что она добивается, чёрт бы её побрал?!

— Ничего, я просто говорю, а что тебя так настораживает, она ведь твоя родственница как никак, говори о ней таким тоном, проявляй уважение, — жёстко одёргивает.

— Да, — не знаю, что ответить ещё, хотя изнутри рвались наружу слова, которые я не мог сказать, чтобы лишний раз не тревожить её. Всё что я думаю о Лансет.

Джолит, глубоко вдыхает и поднимает руку. И тут же кладёт на свою грудь. Я мгновенно срываюсь с места, стул с скрежетом отодвигает в сторону, моментально оказываюсь рядом с ней.

— Мама, тебе плохо? Я сейчас вызову лекаря.

— Нет, не нужно, — убрала руку начав дышать глубоко, но с трудом. Задержала меня, когда я посмотрел в сторону выхода. — Я сказала не нужно Фоэрт!

Сглатываю, сердце бухает где-то в затылке.

— Сядь на место, и не обращай со мной так как будто я не здорова, — говорит уже ровнее, а меня пронзает болезненная тревога за неё.

— Спасибо за ужин, всё было очень вкусно, — говорю принимаясь собирать пустые тарелки. — Тебе нужно отдохнуть. Я уберу здесь всё.

Мама пытается возразить, но я прерываю её.

— И не беспокойся обо мне. Я сам займусь поиском при-

слуги. Обещаю.

Глава 5

Мама пошла отдыхать, предупредив, что ещё останется на несколько дней в Вигфоре и сама всё проконтролирует. Я не мог ей возразить — если она что-то решила, то мои попытки убедить бессмысленны.

Покинув столовую, решаю на время уединиться в кабинете, чтобы ещё раз обдумать то, что сегодня удалось узнать.

— Где мой пиджак? — спрашиваю служанку, которой госпожа Кан передала мою вещь.

— Вот, господин Кан, — протянула его мне.

Вытащив футляр и конверт, отправился в кабинет.

Включил настольную лампу и опустился в глубокое кожаное кресло, отложил футляр и взял конверт. Повернул его, проведя пальцами по гладкой бумаге, собираясь разорвать, и замер.

Сейчас я могу узнать, кто она, обладательница этого украшения. Внутренне я хочу, чтобы ею оказалась именно она, Адалин Ридвон. Как же сладка эта мысль.

Надрываю бумагу, и снова пальцы застывают. А что, если это не она? Испытываю некоторый дискомфорт. Что, если это окажется дешёвая бижутерия, которую носит половина женщин Эферфолда?

Начинаю злиться от собственных противоречий. Конверт жжёт мои пальцы, но я не могу его раскрыть и разочаровать-

ся, что та незнакомка окажется другой женщиной.

«Кажется, тебе пора остановиться, Фоэрт, уж слишком много значения ты придаёшь этому».

Разрываю конверт и разворачиваю лист бумаги. Читаю быстро:

«Серьга принадлежит ювелирному набору мастера Мейнота Энхока, к сожалению, его давно нет в живых. Набор состоит из колъе, серёг и кольца. Но, по недавнему отчёту, одна из деталей украшения поступила позавчера по адресу Уил-Вит, двадцать четыре».

Перечитываю ещё несколько раз. Уил-Вит, адрес, куда я сегодня подвозил Ридвон.

Хмрюсь.

Мейнот Энхок... знаю это имя, известный мастер ювелирных изделий эпохи юности моего отца, и ещё долго славившийся у высшей знати.

— Болван! — рычу. — И что из этого всего полезного?!

Откинув конверт, я устало потираю переносицу. Зачем мне всё это вообще нужно? Нужно остановиться и не забивать голову лишним. *«...Одна деталь украшения поступила позавчера по адресу Уил-Вит, двадцать четыре...»*

Чёрт! Её же могут выкупить или перепродать!

Поднимаюсь с кресла, беру портмоне и призываю тьму, держа в голове место, куда хочу попасть. Шагаю в образовавшийся передо мной тёмный провал там, где должен стоять шкаф с книгами.

Привычно испытываю лёгкое давление и последующее головокружение, которое так же быстро проходит, как и появляется.

Теперь я стою в центре ювелирного салона, немного меньше магазина Кьерса. С небольшой витриной для драгоценностей с зеркальными стенками, ярко подсвеченной магическим мерцающим светом, который только подчеркивает особенности каждого ювелирного украшения, что в ней находится. За прилавком никого нет.

— Что за?!.. — возглас продавца, который только закрывал изнутри свой прилавок на ночь, режет слух. — Кто вы такой?! Как вы тут оказались? Я сейчас вызову охрану! — бьёт тревогу ошарашенный продавец.

Привычно раскрываю бумажник и показываю удостоверение. Мужчина неуверенно приближается, щурит глаза, с опаской рассматривая документ.

— Прост-тите, господин, к вашим услугам, господин, — тушуетсся он.

— Позавчера к вам поступила ювелирная деталь из коллекции Мейнота Энхока.

Продавец округляет глаза. Сжимаю челюсти и вытаскиваю из бумажника десять купюр.

— Я бы хотел её приобрести.

Глаза продавца округляются ещё шире, челюсть отвисает.

— Да-да, конечно, господин, — срывается с места и бежит к прилавку.

— Очень редкая вещь, для коллекции она безупречна.

— Кто приходил её сдавать? — задаю главный вопрос.

— Молодая женщина, господин. Имени своего не сказала.

Ювелир кладёт на бархатную подставку серьгу. Я смотрю на неё и вспоминаю, что на девочке было кольцо, а это значит... Губы сами собой растягиваются в хищной улыбке, поднимая взгляд на ювелира и кладу деньги на стол. Глаза того вспыхивают жадным огнём, он торопливо берётся упаковывать украшение.

Всё сходится: это она, та самая незнакомка. Мысль об этом дразнит и пьянит.

Я закрываю глаза и пытаюсь собраться.

— Как она выглядела?

— Как и все леди, господин, утончённая и ухоженная.

Сжимаю кулаки, собирая терпение.

— Какого цвета у неё глаза?

— Глаза? Глаза... кажется, голубые или карие, не помню точно, господин, но эта леди очень милая.

Болван, под это описание подходит каждая.

— Она была одна?

— Да, совершенно одна.

— Высокого роста?

— Роста, да. Да, господин, точно высокого. Вот, пожалуйста, господин, — протягивает мне футляр.

— Советую тебе вспомнить её подробно, — предупреждаю его, пронизывая взглядом.

Довольная улыбка на его лице блекнет.

Беру футляр и ухожу, ступаю в тёмный провал тьмы, оставив позади изумлённого продавца. Шагаю в полумрак своего кабинета, беру второй футляр со стола. Открываю, извлекая серьгу, присоединяя и вторую, они сверкают и горят при свете лампы. Я улыбаюсь. Всё сходится, леди Ридвон заложила драгоценность в ювелирную лавку поблизости от гостиницы, где остановилась. К тому же её поступок вполне оправдан — в деньгах она нуждается. Но скудное описание внешности не даёт полной уверенности. А что, если это просто совпадение? Тогда что это за женщина, которая приходила в лавку?

Чёрт. Сжимаю в кулаке украшение и смотрю на своё отражение в окне.

Зачем тебе это, Фоэрт, зачем? Нужно бы тебе остановиться. Ты заходишь слишком далеко. Стою ещё несколько секунд, борясь с собственными противоречивыми чувствами, разворачиваюсь и покидаю кабинет. Отправляюсь в свою комнату.

Утро было сумбурным: давно я не завтракал дома, разве только обходился чашкой чая. Госпожа Кан была неумолима, и утренний стол оказался полноценным и довольно сытный, на работу я конечно опаздывал.

Надевая у входа пиджак, прихватываю прессу, которую вчера оставил на комоде. Утро радует безоблачным небом, но сырость на дорогах делает воздух холодным и промозглым.

Сев на заднее сиденье автомобиля, приказываю водителю ехать, раскрываю газету. Вчера так и не успел заглянуть, работа обязывает знать последние новости, происходящие в Эфферфолде.

Я застываю, когда на глаза попадается заголовок.

«Наследница или беглая невеста Адалин Ридвон»

Я быстро перешёл на статью.

«Как известно, Адалин Ридвон, дочь всем известного банкира Гастора Ридвона, отсутствовала в столице более пяти лет, недавно вернулась из-за границы. После стольких лет затишья внезапный приезд вызвал много вопросов, но, как выяснилось, госпожа несколько дней подряд обивает порог отдела судебных разбирательств. Всё дело в том, что теперь её усадьба перешла во владение законной супруги Гастора Ридвона, уважаемой госпожи Магрит Бартон. Значит ли это, что леди Адалин Ридвон будет судиться со своим отцом, который, по слухам, лишил наследства родную дочь?»

Гнев мгновенно всплеснул внутри обжигающим ядом. Я продолжаю читать, уже зная, чем эта статья закончится.

«Также известно, что у госпожи Ридвон есть дочь, рождённая вне брака. Всем известен пятилетней давности скандал Ридвонов с родом Вилсонов. По всему складывается, что отец ребёнка господин Тарсон, интересно, почему он не признал ребёнка и что послужило причиной их размолвки? Будем следить за дальнейшими событиями».

Подпись автора статьи. Ну конечно, кто бы сомневался, — Паулина Лансет.

— Вот мерзавка, — шиплю, сминая газету.

Впрочем, чего ещё ожидать от неё. За счёт таких скандальных и провокационных новостей она добилась высот в своём деле. Ещё бы — иметь целую полиграфическую фабрику, которую её отец купил для любимой дочери. И та теперь развлекается как хочет.

Странно, что обо мне ни слова или ещё не вынюхала о том, что дело взял я?

— Дрянь мелкая.

Как бы я ни злился, а сделать с этим ничего не могу, Лансет не остановить, и Ридвон теперь будет на всеобщем обозрении. Хотя можно попытаться выяснить, чего она хочет. Деньги ей не нужны, она достаточно обеспеченная леди.

Машина остановилась.

— Приехали, господин, — оповещает водитель, выдёргивая из водоворота мыслей.

Что ж, оставлю это на потом.

Едва берусь за ручку, как внезапная головная боль вспыхивает в затылке, так что в глазах темнеет.

— Чёрт! — хватаюсь за затылок, кривясь от боли.

— Всё в порядке, господин? — поворачивается ко мне водитель.

— Да, всё нормально, — морщусь, открываю дверь и выхожу из авто.

Иду к парадному входу. Сотрудники желают мне доброго утра, кланяются, а я желаю одного — выпить пару обезболивающих таблеток.

Едва я добираюсь до своего кабинета, как меня догоняет Эстос.

— Доброе утро, господин Кан.

Мрачно меряю его взглядом.

— Ну? — спрашиваю, открывая кабинет.

— К вам прибыл гость, господин Кан, он ждёт вас в вашем кабинете.

Я оборачиваюсь на Эстоса. В мой кабинет без меня может пройти только один человек. Вот только что за повод для столь раннего визита?

— Можешь идти.

— Слушаюсь, господин, — Эстос поворачивается было, но задерживается, — прошу прощения, господин Кан, мне правда очень неловко, но позвольте мне сегодня отлучиться немного пораньше?

Нет, он издевается! Я с шумом выдыхаю через нос и прожигаю его таким взглядом, что глаза Эстоса начинают испуганно бегать. И надо было выбрать среди сотни кандидатур именно его в свои помощники?!

— Я всё понял, господин Кан, извините, хорошего дня, господин Кан.

Он отступает и пулей несётся прочь.

Проводив его взглядом, я поворачиваюсь к двери и, толк-

нув её, вхожу.

На диване располагается, закинув ногу на ногу, брюнет в светлом костюме. Эварт Грант собственной персоной.

Грант — тёмный маг, состоит в охранном штабе Эферфолда, по совместительству работает экзорцистом, собирая тьму и уничтожая её.

Он даже не поднимает взгляда, когда я появляюсь в кабинете.

Закрыв дверь, я прохожу к своему рабочему месту, бросая косой взгляд на «гостя». Поднимаю руку и кладу зонт на подставку. Эварт ухмыляется. Я перевожу глаза на газету в его руках.

— Ты это читал? — интересуется маг, поднимая голову. — Адалин Ридвон, та самая длинноногая голубоглазая красотка, — на лице Эварта появляется загадочная улыбка, которую я, сам того не ожидая, захотел тут же стереть с его физиономии. — Уже пять лет прошло... Я, между прочим, был в неё влюблён, — мечтательно произносит он.

— Ещё скажи, что намеревался сделать леди предложение? Не поверю, что ты променяешь свой статус и наработанную репутацию на женскую юбку. Ты ведь не из-за этого ко мне пожаловал, чтобы обсуждать леди Ридвон? — меряю друга и партнёра по несчастью пристальным взглядом.

Эварт становится серьёзным.

— Ты перестал ходить на мои сеансы... — откладывает газету.

Поворачиваюсь к Гранту.

— Да, забегался, — отвечаю уклончиво.

Лицо Гранта хмурится.

— Фоэрт, в последний раз ты был у меня две недели назад...

— Да-да я знаю, только не заводись, и так голова болит, — перебиваю и тут же осекаюсь, но от Гранта это не ускользает. Эварт напрягается и наклоняется чуть вперёд, расставив ноги, кладёт локти на колени, смотрит пристально.

— А вот с этого поподробнее. Ты пользовался ею, да? — моментально догадывается о причине появления боли.

— Пару раз, — признаюсь честно, опускаюсь в кресло, расстёгивая пиджак.

— Не играйся с этим, Фоэрт, тьма тебе противопоказана, и ты прекрасно это знаешь.

Всё веселье слетает в момент.

— Знаю, у меня всё под контролем, правда.

Грант резко поднимается и в два шага оказывается перед столом, на который опирается руками и пронизывается меня суровым взглядом из-под сведённых бровей.

— Ты можешь так думать, но это заблуждение, ты не можешь распознать, кто владеет кем сейчас — ты ей или она тобой.

— Ты нагнетаешь, Грант. Я же говорю, что всё под контролем, — притягиваю к себе документацию.

Ноздри Гранта раздуваются, зрачки в синих радужках

сужаются до точек, он всерьёз обеспокоен.

— Ладно, — соглашается он, — тогда займёмся этим сейчас.

— У меня навалом работы.

— Подождёт твоя работа. Или потерять всё хочешь, в том числе и свою работу? Твою магию нужно в баланс приводить немедленно, — хлопнул он по стопке с бумагами и полез во внутренний карман своего пиджака, извлекая маятник. Разжал пальцы, из которых выпал металлический шар на серебряной цепочке.

Закатываю глаза и с тяжестью выдыхаю.

— Хорошо-хорошо, но не больше получаса, — предупреждаю я, поднимаюсь с кресла и иду к двери, закрываюсь на ключ.

Возвращаюсь на своё место, Грант подходит сбоку и опускает перед моими глазами маятник, который начинает монотонно раскачиваться из стороны в сторону. Не замечаю, в какой миг веки становятся тяжёлыми, а пространство плывёт, связываясь в неясные силуэты.

Холодный воздух с силой врывается в лёгкие, ветер шумит в ушах, но я, не останавливаясь, бегу по мостовой и каждый раз оборачиваюсь, страшась, что меня нагонят. Я бегу в надежде уйти, ведь если найдут, мне конец. Желание жить превышает дикую усталость в теле, заглушает трёхдневный голод. Я почти скрылся, но в последний момент, поскальзываясь на мокром камне, падаю на правое плечо. Хруст ко-

сти неприятно отдаётся в черепе, острая боль пронизывает от лопатки до макушки. Я подавляю крик, поднимаюсь на разбитые коленки, смотрю на свою потертую одежду, которая похожа на лохмотья бродяги.

Приближающийся топот вызывает приступ ужаса, заставляет рвануть с места, я снова бегу через заросли, продираясь сквозь ветки, которые дерут кожу, рвут ветхую ткань на мне. В горле начинает першить, грудь пронизывать боль, правая рука онемела, и я её почти не чувствую. Больше не в силах двигаться, я рискую упасть замертво, забегаю за угол полуразваленного дома, приваливаюсь к холодной стене. Вонь из канализации заставляет задыхаться, а лёгкие — разрываться от нехватки кислорода.

Прислушиваюсь, стараясь сдержать рвущее горло дыхание.

— Ты точно видел, что он забежал именно сюда?

— Точно, — летит ответ.

— Там в заборе дырка есть, он мог пролезть в неё, — раздаётся ещё один голос.

Нечеловеческое рычание и сильный удар по одному из железных мусорных ящиков.

— Возвращаемся!

Слышу звук удаляющихся шагов, выбираться из своего укрытия не спешу. Меня трясёт, в плече нестерпимая боль. Долго я не смогу прятаться, рано или поздно меня найдут. Или я сдохну на одной из этих грязных улиц. В какой-то мо-

мент понимаю, что не могу сдвинуться с места, слабость в теле подкашивает. Раскат грома заставляет содрогнуться, холодные капли ударяют по лицу. Дождь хлещет потоком, заставляя меня сползти по стене и сесть на землю. Кажется, это и есть конец... Через воспалённое сознание до моего слуха не сразу доходят приближающие шаги. Но мне уже плевать на всё. Пусть меня заберут и сделают то, что хотят сделать.

Дождь внезапно прекращается, хотя непрерывный шум продолжает оглушать. Я стискиваю стучащие зубы и медленно поднимаю голову, отводя взгляд от начищенных туфель. Передо мной стоит незнакомый мужчина и держит над мной зонт. Всё, что я запоминаю — это его взгляд, полный печали.

Резко открываю глаза и поднимаю голову, обнаруживая себя в кабинете в кресле. За окном яркое солнце. Грант сидит уже на диване и закрывает артефакт.

Я морщусь и трогаю ноющее плечо.

— Чёрт. Почему каждый раз одно и то же?

— Опять детство?

— Хочу забыть это паршивое время. Ты же применяешь свои штуки разные, разве сложно стереть ненужное из моей памяти?

— Это невозможно, это часть тебя.

Я смотрю на штатника с мрачностью.

— Тогда какой из тебя маг?! — разминаю затёкшие плечи, чувствуя себя так, будто пробыл во тьме полжизни. —

Никогда не буду этого делать в начале рабочего дня.

Грант поднялся.

— Ничего, через полчаса придёшь в норму.

— Всё, давай уже иди, не мешай работать, — выпроваживаю, указывая на дверь.

— И всё-таки я жду тебя после работы, нужно кое-что обсудить, — он берёт газету и машет в воздухе. — Эстос сказал, что ты взял её дело. Любопытно, с чего такой щедрый жест с твоей стороны, — ухмыляется.

— Вот трепло, — цежу сквозь зубы и смотрю в сторону двери.

Адалин Ридвон

— Кажется, это здесь, — осматриваю небольшое здание из белого кирпича, сверяю адрес, который мне дала Габора.

Волнение охватывает с ног до головы, впервые я нанимаюсь работать в родной провинции.

Работа мне очень нужна, за последние три дня после визита в усадьбу деньги в моём кошельке таяли как снег, пришлось на всякий случай заложить драгоценность, чего, конечно, мне не хотелось. Хоть вторую серьгу давно потеряла, но каждая вещь мне дорога, и я с трудом оторвала её от сердца. Не думала, что в городе будет столько затрат, на снятие комнаты и на передвижение по городу. Ко всему, Габора сидит с моей дочкой, и мне не хотелось быть перед ней в долгу, хоть от платы она отказалась, но всё же.

Дохожу до порога, читаю надпись: «Бюро по найму на ра-

боту».

— Чудесно, — поправив шляпку и кружевные перчатки, поднимаюсь по ступеням, собираясь с духом, сжимая в руках своё досье.

Я подготовилась основательно, не игнорируя и свой внешний вид, который должен соответствовать моему рабочему статусу.

Открываю двери и раскрываю от изумления губы. Внутри столпотворение, народу столько, что негде пройти! Все разговаривают, спорят, шумят возле постов, где, по-видимому, принимают посетительниц. Самых разношёрстных, нужно сказать, от простых и безликих до вульгарных и показных дам самых разных возрастов.

Я пытаюсь протиснуться, стараясь не обращать внимания на то, что мне пару раз наступают на ногу.

— Как это “нет мест”?! Посмотрите лучше!

— Да у меня стажа пятнадцать лет, почему не подхожу?!

Крикливые дамы оглушают, но я таки добираюсь до поста, где освободилось место, спешу его занять.

— Кто вы? — спрашивает весьма неприятная на вид особа, оценивающе окидывает взглядом.

— Я по рекомендации Габоры Эдисон, моё имя Адалин Ридвон.

— Дайте ваше досье, — требует повелительным тоном.

Передаю документ, чувствуя, как меня подпирают позади и всячески пытаются вытеснить. Женщина долго смотрит

мою характеристику и невозмутимо поджигает губы, наконец закрывает документ и возвращает мне.

— Вам в шестой кабинет, — недовольно цедит сквозь зубы.

— Спасибо, — с превосходством улыбаюсь я, протискиваясь обратно.

Нахожу нужный кабинет быстро. Удивляюсь, что очереди здесь нет. Задерживаюсь возле двери и мысленно молюсь. Мне очень нужна работа, пусть подберётся что-то подходящее, прошу! Набравшись уверенности, я вежливо стучу и вхожу в кабинет.

Помещение, где я оказываюсь, приятное, чистое и даже уютное. За столом из орехового дерева сидит женщина, на лице круглые очки, седые волосы собраны в строгий пучок, коричневое платье, что очерчивает острые плечи, застёгнуто до единой пуговицы под самый подбородок. Дама с совершенно ровной спиной что-то пишет и на моё появление никак не реагирует.

— Добрый день, меня зовут Адалин Ридвон, — представляюсь я, решая остаться возле порога, пока меня не пригласят.

Женщина поднимает взгляд и привычно оценивает гостью, чуть приподнимая подведённые чёрным карандашом тонкие брови, высказывая доброжелательное удивление.

— Проходите.

Я покидаю своё место и присаживаюсь на предложенный

стул. Женщина протягивает руку с массивными перстнями на пальцах, я вкладываю в неё своё досье.

Госпожа тщательно изучает мою характеристику, пролистывая, хрустя каждым листочком, а у меня от переживания начинают потеть ладони. Хотя я должна подойти, моё досье идеально, я добросовестно бралась за свою работу и так же добросовестно её исполняла. Ни одной жалобы, ни одного выговора, всё безупречно, но почему же я так волнуюсь?!

— Что ж, у вас неплохие характеристики, леди Ридвон, — казалось, после целой вечности заговаривает распорядитель. — Но, я вижу, вы работали в чужой стране и через бюро никогда не регистрировались.

— Да, не приходилось, — соглашаюсь я, — я работала по рекомендации, так как моей работой всегда оставались довольны.

Женщина смотрит на меня поверх очков и снова переводит взгляд на бумаги.

— Вы часто меняли место работы, с чем это связано?

— Видите ли, я бы с радостью оставалась на одном месте, но тем, к кому я нанималась, была нужна временная прислуга, так выходило, — стискиваю в пальцах ридикюль.

Распорядитель смотрит рекомендации до конца и кладёт их на стол, сцепив тонкие пальцы в замок.

— Леди Ридвон, мне понравилось ваше досье, — заявляет вдруг она. — Благодаря вашему опыту работы вы попали в элитный отдел бюро, а это значит, и ответственность гораздо

выше.

— Я понимаю, — спешу заверить.

— В таком случае, — она тянется за чистым листом бумаги. — Как раз сегодня поступил запрос, вам повезло, можно сказать. Сейчас я вам напишу адрес, вы поедете по месту на собеседование. И уже дальше от вас будет зависеть, получите вы работу или нет. Советую раскрыть все свои лучшие стороны.

— Спасибо, я буду стараться, — едва не подпрыгиваю на месте, не в силах сдержать своей радости, наблюдая за движением пера по бумаге в руках распорядителя.

У меня будет работа! Да!

Глава 6

— Вот, возьмите, — мне протягивают листок, — если вы устроитесь на работу, вернётесь сюда, и мы оформим необходимые документы. Всего доброго, леди Ридвон.

Из кабинета я выхожу окрылённой, конечно, ещё предстоит собеседование, но сам факт того, что я нашла место, несказанно радует. Выйдя из шумного здания, я разворачиваю лист и пробегаюсь взглядом по адресу.

*«Энсен-сит, тридцать шесть,
Усадьба Вигфор».*

Выходит, северная часть города. Найдя экипаж взглядом, я сворачиваю лист и направляюсь к дороге. Назвав кучеру адрес, сажусь, спрятав адрес в ридикюль. Дорога занимает около получаса, всё это время я строю в голове фразы, задаю сама себе возможные вопросы и подбираю достойные ответы.

Вскоре экипаж останавливается. Я выглядываю в окно и раскрываю рот от изумления. Прямо передо мной высится скальной грудой роскошный особняк, даже не особняк, а целый замок!

Строение поражает масштабами, необычностью архитектурных элементов и роскошью. Замок имеет достаточно симметричный вид. Главный вход находится в самом центре фасада, между двумя античными колоннами. Дубовую

дверь венчает треугольное окно. Корпус строения выложен фасадной каменной плиткой цвета кофе. Крыша особняка оканчивается высоким фронтоном, треугольное поле которого украшает оригинальный цветочный орнамент. У здания имеется несколько башен по периметру, с высокими остроконечными крышами, что и придаёт дому загадочности и вызывает любопытство.

Интересно, кто хозяева этого необычайного замка? Любопытство разыгралось не на шутку, как и желание остаться здесь на постоянной основе.

Открываю дверь и выхожу наружу, расплачиваюсь с кучером и, развернувшись, направляюсь к воротам.

Попасть внутрь можно, только лишь минуя кованые ворота, выкрашенные в благородно коричневый цвет. За оградой терраса, выложенная тёплой коричневой плиткой, разбавленная живописными зелёными лужайками и декоративными деревцами. Я стараюсь не сильно глазеть по сторонам и быть сосредоточенной, но просто сложно удержаться от восхищения, красоты и ухоженности. Поднявшись по невысокой лестнице, нажимаю на звонок.

Дверь открывается, и на пороге появляется служанка в белом как снег переднике.

— Добрый день, я из бюро по найму на работу.

— Да, проходите, госпожа ждёт вас, — раскрывает дверь.

Я вхожу в просторный холл, снимаю перчатки и осматриваюсь. Внутри так же роскошно, как и снаружи. Посередине

холла размещаются два угловых мягких дивана, по центру столик, у высоких длинных окон стоит другой стол, со стульями и высокими спинками. У стены по центру — камин, над которым висят часы.

— Добрый день, — раздаётся за моей спиной.

Я, едва не выронив ридикюль, оборачиваюсь. В холл вышла весьма статная и внушительная женщина, при виде которой меня берёт некоторая оторопь.

— Добрый день, госпожа, — тороплюсь я поприветствовать хозяйку усадьбы. — Меня зовут Адалин Ридвон, я из...

— Дайте своё досье, — обрывает меня на полуслове.

— Да, конечно, — раскрываю сумочку и извлекаю папку. Протягиваю госпоже, имя которой пока мне не известно.

Она берёт мою папку, просматривает её. Тишина висит в воздухе. Я ожидаю, сложив руки перед собой.

— Этому дому требуется управляющая, точнее, моему сыну. Он проживает здесь один... У вас неплохие рекомендации, но есть один минус, — она поднимает взгляд, — вы слишком молоды.

Не успеваю раскрыть рот, как госпожа продолжает:

— Моему сыну нужен ответственный человек, который готов приложить должное усилие и уделить время. Какое у вас семейное положение?

Я снова раскрываю губы, но госпожа сразу листает в конец, где написана самая основная справка обо мне, и я понимаю, как всё рушится. Сейчас она прочтёт, что у меня есть

дочь, и проводит за порог.

— Послушайте... — начинаю я и замираю на полуслове, услышав движение в стороне.

— Мама! — мужской голос заполняет всё пространство.

Я поворачиваю голову и просто не верю своим глазам: по лестнице спускается мужчина, статный, высокий, в светлой рубашке и чёрном жилете. В солнечном свете его волосы кажутся огненными. Это ведь не сон, да? Я точно не ошиблась адресом? Потому что с лестницы спустился не кто иной, как господин Фоэрт Кан.

Он проходит к женщине, совершенно не взглянув в мою сторону. Я не могу пошевелиться, взгляд прикован к его лицу, на котором читаются некая растерянность и сдержанное возмущение.

— Мама, я же тебе сказал, что сам займусь этим, зачем ты себя обременяешь, — наступает он.

— Знаю я тебя, пообещаешь и на том и закончишь.

Постойте, он сказал “мама”, я не ослышалась? Мне вдруг становится дурно, я торопливо облизываю пересохшие губы, уставившись на своё досье в руках госпожи, которое хочется вырвать и быстренько, пока меня не опознали, удрать. Но не тут-то было, мужчина поворачивает голову, нацелив взгляд тёмных глаз ровно на меня.

Кажется, сотни молний проходят сквозь всё моё тело, пронизывая острыми иглами, так что начинает печь в груди, а в животе от этого стремительного взгляда как-то странно теп-

леет. Фоэрт Кан не двигается, кажется, он тоже не ожидал меня увидеть в своём доме. В своём доме... Боже. Эта госпожа так и сказала, что дом принадлежит её сыну, а значит, он... хозяин.

Мужчина смыкает губы, в уголках которых, я не могла не заметить, скрылась ухмылка. Он поднимает руку и почёсывает пальцем переносицу, фыркая себе под нос, на миг отведя взгляд и вновь вернув на меня.

— Мы уже закончили, эта девушка нам не подходит, — разрывает создавшееся молчание женщина, его мама.

— Да? Почему же? — вдруг спрашивает господин и забирает из рук матери моё досье, а пол под моими ногами ускользает. Он опускает взгляд в папку, тёмная бровь чуть приподнимается под прядью медно-красных волос.

— Фоэрт, не трать время, сколько вам лет леди? — обращается уже ко мне.

— Дв-вадцать шесть, — запинаясь.

— А по-моему, это идеальный возраст, мама. У меня действительно в замке много работы, и на наведение порядка потребуется очень много сил, — произносит, поднимая на меня свой жгучий взгляд, от которого становится трудно дышать.

— Как знаешь, Фоэрт, уверена, что вскоре будешь подыскивать другую.

— У меня чутьё, мама, думаю, госпожа... — заглядывает театрально в досье, — Адалин Ридвон справится. Я пра-

вильно думаю, леди?

— Раз ты так считаешь, то разговаривай с леди сам, я пойду пока займусь более важным делом.

Госпожа, окинув ещё раз меня придиричивым взглядом, направляется в сторону кухни. От её величественности у меня невольно холодок проходит по коже.

— Вы это специально? — вдруг задаёт вопрос Кан.

— О чём вы, господин?

Он складывает руки на груди, с губ так и не сходит ухмылка, заставляя чувствовать жуткое смущение. Почему я чувствую себя так, краснею как маленькая девочка. А я серьёзная леди, которая устраивается на работу!

— Вы, наверное, всю справочную проштудировали, чтобы найти меня. Скажите честно, вы меня преследуете?

— Господин Кан, то, что я здесь, чистая случайность, — отвечаю невозмутимо, хотя я действительно промахнулась, нужно было сразу узнать имя того, к кому направляюсь на собеседование, надо же так влипнуть!

Господин маг прищуривает взгляд и смотрит так, что у меня внутри живота начинает щекотать. Что за дела, нужно срочно что-то делать! Выходить из этого компрометирующего положения.

— Дайте моё досье, господин Кан, — пытаюсь забрать папку, но не успеваю и моргнуть, как моё запястье оказывается в крепком захвате горячих пальцев.

Он с превосходством смотрит на меня с высоты своего ро-

ста, всё это ему явно доставляет удовольствие, а мне резко становится нечем дышать.

— Снова убегаете? Я вас не отпускал, — вздёргивает бровь.

— Да, верно, но я не собираюсь и сейчас выслушивать эти ваши... эти ваши подозрения.

— Это моя работа. Возможно, где-то я перегибаю, но в таком случае... — он замолкает и продолжает уже более проникновенно, — ...почему вы всё воспринимаете на личный счёт, леди Ридвон? Перестаньте это делать, иначе, — он склоняется, в глазах адвоката так и прыгают бесы, — иначе начну думать, что я вам небезразличен.

Я раскрываю губы, чувствуя касание его дыхания, резко высвобождаю руку, испуганно смотрю в сторону кухни, откуда слышится шум.

Фоэрт Кан выпрямляется и протягивает мне папку.

— Вы мне подходите, госпожа Адалин Ридвон.

— Или вы передумали? Если это так, в таком случае, советую вам пока не показываться во всяких бюро, по крайней мере, до тех пор, пока не пройдёт суд.

Я сглотнула. Сдерживаюсь, чтобы не зажмуриться, как только осознаю, что стану работать в этом доме, у господина Кана, не просто законника, а человека, с которым я, с которым мне...

«Опомнись, Адалин, — мысленно встряхиваю себя, — отбрось ты наконец прошлое! С чего ты решила, что значишь

для него что-то? Что вообще он помнит тебя или о чём-то догадывается? Да он никакого намёка не давал, а ты уже паникуешь, теряешься и робеешь, как юная дева! Возьми себя в руки! Мне очень нужна работа, и неважно, у кого я буду работать, хоть даже у самого короля, для меня это не имеет значения! Главное, что я буду получать плату и смогу снять жильё попримечнее, сменить на более просторную для нас с Кери комнату».

Хотя, что уж говорить, у короля было бы куда проще.

Я смотрю на Фозрта Кана, который ожидает ответа, с каким-то загадочным лицом наблюдая за мной. Будто видит все мысли, что сейчас ураганом проносятся в моей голове. До сих пор не могу понять, помнит ли он меня. Или господин законник со всеми леди так обходится? Впрочем, какая мне разница! Сколько было у него женщин и есть ли вообще.

— Я не передумала, господин Кан, и готова приступить к своим обязанностям.

— Хорошо, — усмехается он, а я чувствую себя мышкой, попавшей в когти хищника. — Это даже облегчит нам задачу, ведь при любом случае... мы можем обсудить важные детали... вашего дела.

Боже, почему я слышу в каждом его слове какую-то издёвку? Как избавиться от этого?!

— Мне не хочется вас обременять своими проблемами в вашем же доме, господин Кан, — заявляю, собираясь с мыслями.

— Сегодня точно не получится, у меня выходной день, — смотрит на настенные часы, — я хочу провести его в отдыхе, а вот завтра жду вас к завтраку, обсудим все детали. Что скажете?

— Хорошо, господин Кан. Я приду в назначенное время, — торопливо соглашаюсь и уже мыслями тянусь к выходу, чтобы поскорее избавиться от душного плена чёрных глаз.

Просто не верю, что это происходит со мной, что судьба выбрала именно этот дом и этого хозяина. И этого законника. Кажется, она настроена против меня. Только вот за что мне все эти испытания? Ответа нет.

Из этого роскошного замка я бегу, не видя перед собой дороги. Сажусь в экипаж, закрыв дверь, смотря на роскошный замок. Сердце сильно бьётся в груди, щёки печёт. И что за реакция такая? Это не должно меня будоражить!

Только уговоры не помогают, такой бури чувств я не испытывала давно. За переживаниями и мыслями даже не замечаю, как доезжаю до дома Габора Эдисон.

— Мама, мама, смотли что я нарисовала! — выбегает в тесную прихожую Кери, едва я появляюсь в дверях.

Дочка выставляет вперёд альбом, демонстрируя рисунок. Так-с, что-то похожее я уже видела: изображение высокого человечка с красными волосами, ну конечно, узнала сразу, а вот леди рядом с ним в белом платье меня насторожила.

— Мы старались, госпожа Ридвон, — выходит Габора за дочкой.

Я улыбаюсь и сажусь на корточки.

— Это господин законник, а это кто, Кери? — я делаю вид, что задумалась.

— Мама, ты чего, это ты, мама! Вы же с госполдином законником поженитесь, плавда?

Я раскрываю рот, не зная, что и ответить. Поднимаю растерянный взгляд на улыбающуюся няню, которая лишь делает бессильный вид перед детской непосредственностью.

— Малышка... — начинаю я, тщательно подбирая слова, — господин законник очень занятой человек и...

— Он будет нас защищать! И потом желница на тебе! — заканчивает Кери, смотря на меня такими искренними и чистыми глазами, что я не могу разбить её открытые фантазии.

Это очень плохо, очень. Кажется, Фоэрт Кан внушает Кери сильное доверие. И это сильно меня беспокоит. Я знаю Кери — она никому не доверяется так легко, тем более, она его видела всего два раза! Но он ведь её спас, тогда такое отношение вполне оправдывает себя. И всё-таки моё сердце сжимают тиски, ведь он действительно её...

— Поговорим об этом дома, Кери, хорошо? — глажу её по мягким волосам, я должна ей объяснить, что у законника такая работа и он помогает нам вовсе не потому, что мы ему нравимся.

Пока Кери надевает кофточку и собирает краски, я переговариваюсь с Габорой, у которой нет никаких жалоб. Теперь, когда у меня появилось место работы, я могу её отбла-

годарить. Хотя мысль о том, что я буду работать в доме законника, всё ещё не укладывается в голове.

— Что вы, госпожа Ридвон, не нужно, — сжимает мою ладонь с купюрами женщина. — Вам ещё пригодятся деньги, оставьте себе, меня нисколько не тяготит, что я сижу с малышкой, даже наоборот — это солнышко скрашивает мои будни. Если уж так хотите, отблагодарите потом, когда действительно сможете.

— Габора, я знаю, что у вас тоже затруднительное положение, пожалуйста, примите, тут не так много, как мне хотелось бы, но, пожалуйста, возьмите, для меня это важно.

Всё же кое-как удаётся оставить плату. Муж леди Эдисон находится в лечебнице, и я понимаю, как необходимы сейчас средства, чтобы оплачивать лечение. Я безумно благодарна, что Габора с радостью согласилась присматривать за Кери и дальше, пока я буду находиться на работе.

Выйдя из дома няни, мы решаем прогуляться до дома пешком, тем более, тут недалеко, а малышке хорошо бы подышать свежим воздухом.

А я, неспешно шагая, снова обдумываю встречу. Уже завтра я приступлю к своим обязанностям, сейчас нужно приготовить подходящую одежду, утром завести Кери к Габоре, заехать в бюро и подписать документ, успеть к завтраку в Вигфор. Мысли о заботах отвлекают, и теперь я чувствую не только спокойствие, но и уверенность, которая придаёт мне силы действовать.

«Да, нужно выкинуть из головы всякие мысли относительно того, что я буду работать у своего адвоката, по сути, это мне не должно мешать зарабатывать деньги на жизнь».

За размышлениями я не замечаю, как мы доходим до гостиной, где к вечеру поднимается такой гам, что слышно даже через стены нашей комнаты. Постояльцы после рабочего дня собираются в общем зале, чтобы пропустить кружку-другую пенного. На речи они не скупятся, и порой слышны грязные ругательства и гогот. Поэтому, чтобы Кери не слышала этого всего, я как можно скорее преодолеваю двор и поворачиваю к дому, где находится на втором этажа наша съёмная комнатуха.

Выходя к крыльцу, я замечаю мужчину у входа. Острое внутреннее предчувствие тут же бьёт тревогу.

Хоть незнакомцев тут полно, но этот почему-то вызывает настороженность, быть может, потому что он не походит на обычного постояльца, на нём приличный выглаженный костюм, начищенные туфли, завязанный идеально галстук, на запястье сверкают наручные часы. Я крепче сжимаю ладошку дочери и тороплюсь поскорее пройти мимо этого подозрительного мужчины, который стоит боком, скучаяще опираясь на балку лестницы, будто кого-то ждёт. Прикусывая зубами массивной челюсти зубочистку, мужчина поворачивает голову, смотря на нас из-под узкого поля коричневой шляпы. Я чувствую тяжёлый взгляд кожей, даже опасаясь поднять голову, даже в глазах от волнения темнеет.

— За мной, Кери, — прижимаю малышку к себе.

Сердце ухает, когда мужчина преграждает нам путь к двери, встав перед нами горой, расслабленно сунув в карманы брюк руки.

Я поднимаю взгляд, чтобы возмутиться, а то и позвать вышибал, которые тут всё же имеются, хоть и в главном зале, да цепенею от ужаса.

Серо-зелёные глаза мужчины хищно сужаются, и в них мелькает то, что вызывает во мне шквал чувств: в этом взгляде омерзение, похоть, надменность и брезгливость. Я не могла обознаться, уж слишком хорошо, к несчастью, знаю этого человека. Тарсона Вилсона.

«Как он меня нашёл?» — первая мысль, которая появилась в голове.

Завожу дочку за себя, пряча её от этого противного взгляда. Он улавливает движение и хмыкает, смотрит куда-то в сторону.

— Отойдите с дороги, дайте пройти, — делаю вид, что не знаю его, но Тарсон стоит на месте.

«Зачем он пришёл? Что хочет?» — паника медленно начинается меня топить.

— Как невежливо с вашей стороны, леди Ридвон, какой вы пример подаёте ребёнку? Без отца совсем не воспитываете?

— Какое вам дело до этого?! — злость мгновенно обжигает грудь кислотой.

— Никакого, верно, — соглашается он, но в словах таится опасность, — хотел узнать, верны ли слухи, что вы вернулись в Эферфолд?

Меня начинает трясти. Бросаю взгляд на Вилсона, отмечая, что за эти пять лет он стал ещё холёнее, правда, не так строен, как раньше, брюхо выпирает вперёд, лицо чуть оплыло, теряя резкость черт, неудивительно, что я его не узнала сразу. Но в целом он стал будто ещё опаснее и сильнее, я чувствую это нутром. И то, что он здесь, не предвещает ничего хорошего.

— Я, если честно, не ждал, что вы вернётесь, хватило у вас смелости, леди Ридвон, — в голосе слышатся нотки металла.

— Это мой родной город, и я могу вернуться сюда, когда захочу, — я делаю шаг, сжимая ладонь Кери.

Тарсон снова преграждает путь, не давая подняться.

— Мама, кто это?

Кажется, он начинает пугать Кери.

Вилсон усмехается на вопрос дочери.

— Слушай меня сюда, потаскуха, — обращается ко мне, — вздумаешь моё имя упомянуть в своих разбирательствах, я тебе такие разборки устрою, что отправишься обратно туда, откуда приехала. Поняла меня?

Сердце начинает быстро-быстро биться в груди, оцепенение сковывает не только тело, но и язык. Прошрое будто ушат горячей смолы обрушивается на меня, заставляя заново пережить все те унижения, которые я испытала, уезжая из

города, делая меня беззащитной.

Глаза Тарсона сверкают льдом, говоря о том, что угрозы он свои исполнит. Не знаю, какими усилия беру себя в руки. Поднимаю подбородок.

— Кажется, вы что-то путаете, господин Вилсон, это вы должны меня были благодарить, что я не рассказала то, что разрушило бы вашу репутацию до основания, иначе бы вам, а не мне, пришлось покинуть город.

Тишина наступает такая, что я чувствую грохот собственного сердца. Тарсон вдруг шевелится, делает шаг с лестницы, заставляя нас с Кери попятиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.